

РАФЕЛ НАДАЛ

ПРОКЛЯТИЕ

СЕМЬИ

ПАЛЬМИЗANO

Рафел Надал

Проклятие семьи Пальмизано

«Фантом Пресс»

2015

УДК 821.134.1
ББК 84(4Исп)

Надал Р.

Проклятие семьи Пальмизано / Р. Надал — «Фантом Пресс»,
2015

ISBN 978-5-86471-824-7

На жаркой пыльной площади деревушки в Апулии есть два памятника: один – в честь погибших в Первой мировой войне и другой – в честь погибших во Второй мировой. На первом сплошь фамилия Пальмизано, а на втором – сплошь фамилия Конвертини. 44 человека из двух семей, и все мертвы... В деревушке, затерянной меж оливковых рощ и виноградников Южной Италии, родились мальчик и девочка. Только-только закончилась Первая мировая. Отцы детей погибли. Но в семье Витантонио погиб не только его отец, погибли все мужчины. И родившийся мальчик – последний в роду. Дети растут, война постепенно забывается, уходит в прошлое, но не для всех. Мать Витантонио одержима стремлением защитить сына, уберечь его от проклятия смерти, которое, кажется, нависает над семьей. И ради сына она лжет. Ее ложь свяжет Витантонио и Джованну, родившуюся с ним в один день. А на горизонте уже собираются тучи новой войны, которая грозит разлучить их. Огромный международный бестселлер, потрясающая и душераздирающая история о судьбе крошечной деревни на вершине холма в Италии во время двух мировых войн.

УДК 821.134.1
ББК 84(4Исп)

ISBN 978-5-86471-824-7

© Надал Р., 2015

© Фантом Пресс, 2015

Содержание

Пролог. 24 августа 2012 года, полдень	8
Часть первая. La maledizione[4]	10
Большая война	10
Последний Пальмизано	18
Часть вторая. Сад белых цветов	22
Дом вдов	22
Тетя	25
Четыре евангелиста	28
Как мать – матери	29
Хлеб мертвых	33
В палаццо	34
Пора цветения	36
Семейные заповеди	39
Лето не на море	41
Воины Христовы	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Рафел Надал

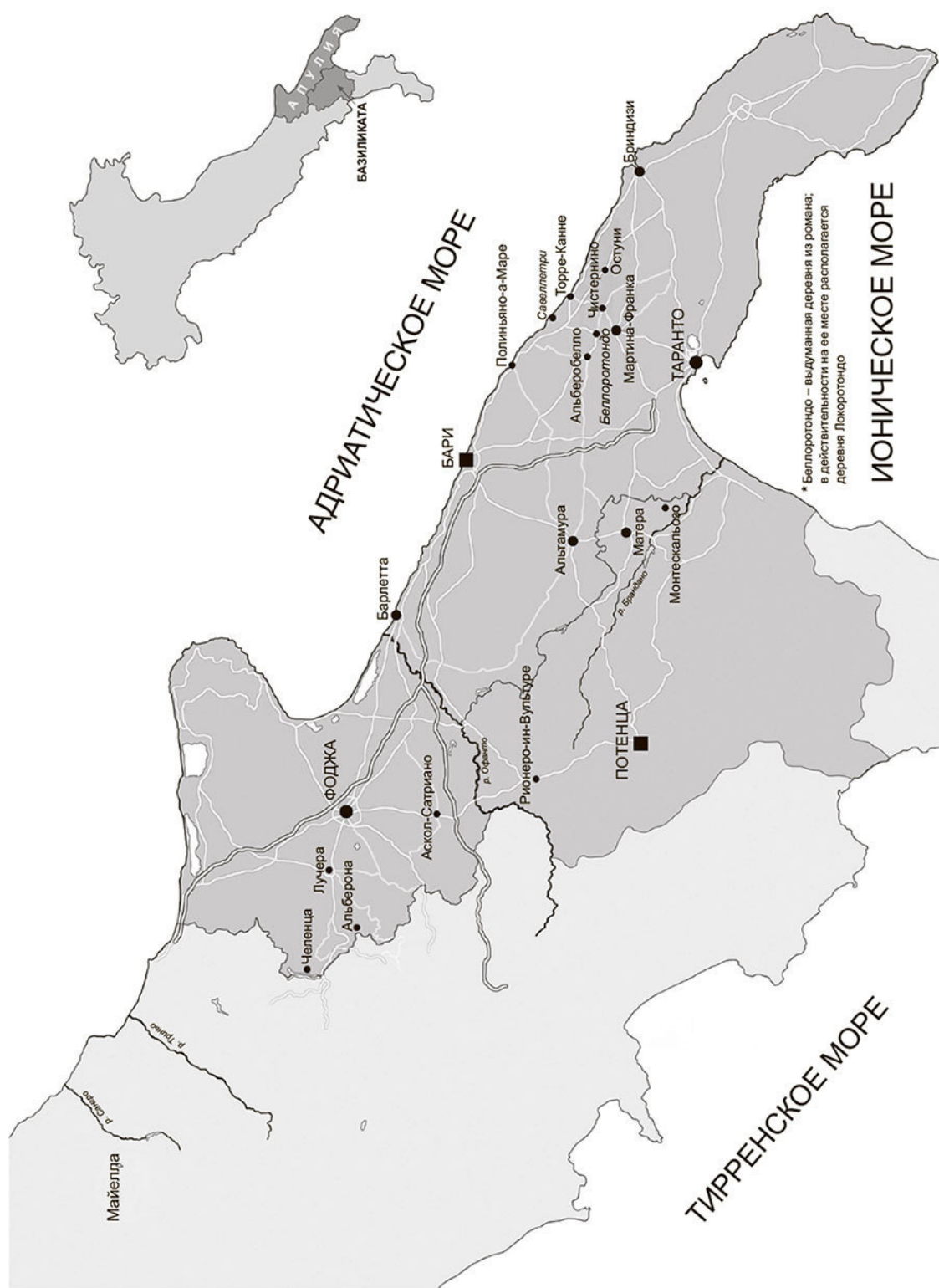
Проклятие семьи Пальмизано

© Анна Уржумцева, перевод, 2019

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2019

* * *

Анне. Сильвии. Раке

Пролог. 24 августа 2012 года, полдень

Если бы Господь захотел подать людям знак, что наступает конец света, он наверняка выбрал бы тот удушающе жаркий день в этой дыре на юге Италии. В самом деле, апокалипсис, похоже, уже наступил: в два часа пополудни 24 августа 2012 года, когда мы прибыли в Беллоротондо, столбик термометра почти достиг отметки в тридцать девять градусов и по всему было видно, что он ее преодолееет.

– Я задыхаюсь, – пожаловался я тихонько, чтобы не напрягать голос сверх необходимого; одновременно я мысленно спрашивал себя, какого черта мы ползем под палящим солнцем по этой пустынной деревне, охватившей концентрическими кругами верхушку одного из апулийских холмов.

Анна, моя жена, не ответила. Мы шли как в замедленной съемке, волоча ноги и стараясь беречь остатки сил. Мы поднимались по бесконечной улице под немилосердным солнцем, ища глазами тень, переулок, какую-нибудь площадку под балконом, надеясь уловить дуновение ветерка. Ненадолго останавливаясь перевести дух, мы оттягивали пальцами насквозь пропотевшие, прилипшие к телу футболки, чтобы они подсохли.

Деревня казалась брошенной. С тех пор как мы вышли из машины, из живых существ нам встретились только две собаки, спавшие на старой циновке в тени мусорных баков. Когда мы дошли до конца Корсо Двадцатого Сентября, самой высокой части деревни, электронный термометр добрался до сорока градусов.

Мы чуть было не дезертировали, склонившись перед неизбежностью поражения, когда за углом вдруг обнаружилась площадь, выходящая на склон холма просторной террасой. С нее открывалась великолепная панорама – долина, поросшая виноградниками и оливковыми рощами и спускавшаяся почти к самому Адриатическому морю. Над этим небольшим оазисом раскинулись три рожковых дерева и два каменных дуба. В тени пышных густых крон стояли два монумента, сплошь укрытые венками с ленточками цветов итальянского флага, а рядом две деревянные скамейки с облупившейся краской. На одной из них сидел старик. Он задремал и с трудом дышал – а то и храпел, незаметно для окружающих уснув сном праведника, а может быть, его только что разбил удар: глаза закрыты, голова свесилась набок, рот полуоткрыт. В любом случае, казалось, у него уже неостанет сил встать. У ног старика лежала собака, развалившись так, как только средиземноморские собаки умеют развалиться в летней тени в часы, когда нередко солнечные удары, бедное животное словно доживало свои последние часы. Другая скамейка была свободна, и мы упали на нее без сил.

Сидя на скамейке, мы тоже слегка задремали, оглушенные удушающей жарой и монотонным пением цикад, бездельничавших где-то на ветвях рожкового дерева. Через полчаса мы очнулись и подошли к противоположному краю террасы. От вида на долину Итрии и царство труллов¹, простершегося до самой береговой черты, захватывало дух; за все наше путешествие мы не видели пейзажа красивее. Но воздух в той стороне был жарок и неподвижен.

Анна осталась на краю террасы фотографировать море оливковых деревьев, усеявших всю долину серебристыми бликами, а я подошел к одному из монументов в центре площади. Оказалось, что это памятник погибшим в Первой мировой войне. На каменной стеле были высечены имена местных уроженцев – я насчитал сорок два. Когда же я принялся перечитывать список внимательнее, у меня перехватило дыхание: половина погибших носили одну и ту же фамилию и, вероятно, были из одной семьи – Пальмизано.

---

¹ Труллы – традиционные крестьянские дома с купольной крышей, строятся методом сухой кладки, распространены в центральной и южной частях итальянской области Апулия. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Предчувствуя открытие, я приблизился ко второму монументу – он был посвящен памяти павших на фронтах Второй мировой. В высеченном на камне списке не было ни одного Пальмизано, и я предположил, что эта фамилия – и вся семья – не пережила предыдущей мировой войны. Однако распределение фамилий в списке и здесь было поразительным – на сей раз половина погибших происходила из семьи Конвертини.

Я вернулся к первому памятнику и позвал Анну. Когда она подошла, я не удержался от едкого и горького замечания, для нее пока непонятного:

– Кажется, в этой деревне апокалипсис наступил уже сто лет назад!

– Ты о чем?

– Да так, кое-какие наблюдения. Посмотри на этих несчастных, больше половины из одной семьи. – И я начал вслух читать и пересчитывать имена погибших Пальмизано с первой стелы: – Джузеппе Оронцо Пальмизано (один); Донато, сын Франческо Паоло Пальмизано (два); Сильвестро Пальмизано (три); Джанбаттиста ди Мартино Пальмизано (четыре); Никола ди Мартино Пальмизано (пять); Джузеппе, сын Вито Пальмизано (шесть)...

– *Ventuno, sono ventuno!*² – перебил меня глухой голос. Мы обернулись и увидели, что старик на скамейке проснулся.

Когда он сидел прямо, не опираясь на спинку, то казался выше и бодрее. Лицо изборождено морщинами, а глубокий взгляд приковывал внимание. Собака тоже проснулась, но по-прежнему лежала, раскинув лапы.

– Их двадцать один! – повторил старик. – Все погибли в Первую мировую. *La maledizione dei Palmisano!*³

Мы с Анной обменялись удивленными взглядами, в ее глазах я читал тот же вопрос, который вертелся на языке у меня. Молча, не сговариваясь, подошли мы к скамейке и сели рядом с человеком, который только что упомянул проклятие семьи Пальмизано. За следующие несколько часов в этом затерянном уголке юга Италии он стал нам почти родным.

---

² Двадцать один, их двадцать один! (*ит.*)

³ Проклятие семьи Пальмизано! (*ит.*)

Часть первая. *La maledizione*⁴

Большая война

Первым погиб Джузеппе Оронцо Пальмизано (1), самый воинственный из всех, – он дольше всех готовился к минуте, когда его может призвать родина. Он пал 24 мая 1915 года, на следующий день после того, как Италия бросила вызов Австрии и присоединилась к союзникам в Первой мировой войне. Бедняга Джузеппе Оронцо всегда утверждал, что служба на фронте – это величайшая возможность научиться дисциплине, закалить характер и направить в разумное русло избыток юношеской энергии. Он полагал, что поле битвы – единственное место, где грубая сила применяется естественным и правильным способом. «Как благородное искусство», – говорил он.

Джузеппе Оронцо был верным и исполнительным. Его недостаток состоял в том, что он всегда был готов разрешать противоречия кулаками. Однако, несмотря на некоторую склонность к насилию, он не был злым. Он первым из Пальмизано бросился на сборный пункт и сумел записаться добровольцем – большая честь для уроженца такой деревни, как Беллоротондо, – а позже первым отправился на фронт при Карсо, на северо-востоке Италии, и первым ринулся в бой. Он первым из своего отряда вырвался вперед и бросился преследовать австрийцев, непрерывно отступавших в начальные часы войны. И первым получил пулю в грудь. Ощувив удар, будто одна железка ударилась о другую, и неприятное жжение в груди, он подумал, что пуля лишь задела пуговицу его кителя, и хотел было бежать дальше, но непослушные ноги подкосились, и он упал, сраженный. Во время австрийской контратаки капрал с закрученными вверх усами перешагнул через него, на ходу вонзив в сердце штык, но бедняга Джузеппе Оронцо этого не почувствовал: жизнь уже оставила его. Первому Пальмизано выпала бессмысленная честь оказаться среди первых убитых итальянцев в первый же день войны на Австрийском фронте. Тем летом ему исполнилось бы двадцать два.

Донато, сын покойного Франческо Паоло Пальмизано (2), стал вторым павшим. Он был самым большим трусом в семье и все бы отдал, лишь бы избежать мобилизации, но даже не успел испытать окопного ужаса: тоже погиб на фронте при Карсо под конец первого лета войны, став жертвой снаряда гаубицы, что обороняла пограничный город Горицию. Несколько дней спустя погиб Сильвестро (3), прошитый пулями новеньких австрийских пулеметов, сеявших в октябре 1915 года смерть среди частей, которые бесплодно штурмовали высоту Санта-Лючия все на том же северо-востоке Италии. Расположившиеся на наблюдательных пунктах вдали от линии огня итальянские офицеры пили чай, принимая фарфоровые чашки из затянутых в перчатки рук ординарцев, и оттуда посылали на штурм холма все новые и новые волны солдат, пока командующий войсками генерал Луиджи Кадорна, так никогда и не понявший бессмысленности этой бойни, не приказал прекратить наступление. Так завершилась третья битва при Изонцо – стиснутой великолепными горами реке на самой границе с Австро-Венгрией, о которой в Беллоротондо до того дня никто и не слышал.

Смерть близнецов была самой ужасной. В детстве Джанбаттиста ди Мартино (4) и Никола ди Мартино (5) терпеть не могли, чтобы их одинаково одевали. Они приходили в отчаяние, когда деревенские женщины останавливали их на улице, чтобы ласково потрепать по щеке и громко воскликнуть: «Сердце радуется! Ну как две капли!» В один прекрасный день, насытив-

---

⁴ Проклятие (*ит.*).

шишь по горло подобными нежностями, они решили разделиться и больше уже не позволяли одевать себя одинаково. Они перестали вместе ходить в школу. Никогда не выходили из дому в один и тот же час. Во дворе уже не играли вдвоем. Если в праздничный день семья отправлялась на прогулку по Виа-Кавур, что в центре Беллоротондо, братья изобретали тысячу причин, чтобы не идти рядом, и каждый шел по своей стороне улицы. Став старше, они делали все, что могли, чтобы различаться внешне: Джанбаттиста отпустил усы, Никола предпочел бородку; один носил пробор справа, другой с противоположной стороны. Если же принимались ухаживать за девушками, то Джанбаттиста выбирал шумных, общительных и смешливых, а Никола, напротив, чаще заглядывался на скромных домоседок.

Когда братья наконец сумели забыть, что они близнецы, а деревенские кумушки оставили их в покое, обоих мобилизовали. В один и тот же день, 1 февраля 1915 года, один и тот же почтальон вручил им повестки. Их направили в одну и ту же казарму, обоих обрили наголо, и, когда на них надели одинаковую форму, они снова стали неразличимы. С того дня они вместе проходили подготовку и спали на одной и той же двухъярусной кровати – один на верхней койке, другой на нижней. Через полгода они вместе отправились на север, их определили в одну и ту же роту. Известие, что их посылают на фронт, чтобы немедленно бросить в бой, они тоже встретили вместе.

Им только что исполнилось девятнадцать, и они снова были похожи как две капли воды, только теперь это не раздражало их и они ничего не делали, чтобы различаться. Наоборот, они стали неразлучны: спали рядом, рядом укрывались в траншее и рядом шли в атаку на австрийские позиции. Никто в роте не мог отличить одного брата от другого. Капитан Ди Лука отдавал им приказы так, как будто имел дело с одним человеком:

– Пальмизано, зайди за тот перелесок и заткни этот чертов пулемет! Спасу нет!

Джанбаттиста и Никола не уточняли, кто именно должен исполнять приказ. Оба покидали траншею и вместе ползли к валунам. Там они вскакивали и бежали к ельнику, и через полчаса вражеский пулемет взлетал на воздух, а товарищи кричали: «Да здравствует Пальмизано!» – уверенные, что братья понимают: возглас относится к каждому из них.

В ноябре австрийцы распылили хлор как раз на том фронте, где заслуги близнецов уже тянули на медаль за храбрость. Когда смертоносный туман рассеялся, открылось жуткое зрелище: траншеи были полны мертвецов по обе стороны линии фронта. После начала атаки ветер переменился и, поразив итальянцев, выкосил и ряды самих нападавших. Солдатам с обеих сторон пришлось потрудиться, чтобы убрать трупы всех жертв этого безумия. Люди капитана Ди Луки нашли близнецов, они лежали один на другом, обнявшись, и тела переплелись так, что невозможно было разделить. Из-за отравления у них были синюшные лица с густой пеной у перекошенных от надвигающегося ужаса ртов. Китители пропахли газом.

Капитан решительно приказал:

– Отставить все и похоронить Пальмизано! Я больше ни минуты не могу смотреть на него!

– Которого из Пальмизано, капитан? Мы не можем их разорвать!

– Бог мой! Вы что, не видите, что и не надо?! Похороните их здесь прямо так! Как одного человека.

Джанбаттисту ди Мартино Пальмизано и Николу ди Мартино Пальмизано, сплетенных в объятии, погребли в еловом перелеске, вместе на веки вечные.

Известие, что близнецы умерли, обнявшись, потрясло жителей деревни; заупокойную мессу отслужили в церкви Иммаколаты⁵ при большом стечении народа. Все помнили братьев

---

⁵ Непорочного зачатия (ит.).

еще детьми в одинаковых костюмчиках и радовались, что перед смертью они решили снова стать близнецами.

После этого несчастья женщины из семьи Пальмизано уже не снимали траура до конца войны. Через несколько дней, в рождественскую ночь 1915 года, узнали о смерти Джузеппе, сына Вито (6), – известие пришло из далекой от основных фронтов, экзотической Ливии, априори казавшейся наименее опасным назначением. Юноша с детства был очень болезненным. В Триполи он подхватил инфекцию, пролежал две недели в бреду с температурой за сорок, не смог перебороть горячку и скончался.

Судьба решила посмеяться над измученными войной крестьянами: сообщение о развязке болезни Джузеппе пришло в момент, когда в деревне температура опустилась до минус трех. Рождественская ночь, тишину которой нарушали рыдания вышедших на улицу женщин Пальмизано, была самой холодной за сто лет.

Мартино Пальмизано (7) погиб в марте следующего года от пулевого ранения в позвоночник в пятой битве при реке Изонцо, которую к тому времени уже вся деревня научилась находить на карте. Большинство считали реку очень красивой, но чересчур маленькой и настолько далекой от Беллоротондо, что брало сомнение, правда ли она находится в Италии.

Осенью 1916 года с разницей в несколько дней пали Стефано (8), Джузеппе, сын Пьета (9), и Донато, сын Вито (10). Первый погиб от разрыва гранаты, второй – от осложнения гангрены ноги, третий – в результате сердечного приступа во время боя. У всех троих были невесты, и все трое собирались жениться сразу после войны, угрожавшей сохранности семей половины Европы. Получив известие о тройном несчастье, все три девушки повели себя так, словно уже были замужем и овдовели, и с того дня вместе ходили по улицам Беллоротондо, оплакивая свое горе. Никто не знал точно, в какой именно битве при Изонцо у подножия Эрмадских холмов, последней преграды перед Триестом, сложили головы трое двоюродных братьев – седьмой, восьмой или девятой, поскольку сражения следовали одно за другим, а линия фронта меняла положение каждую неделю. Но из-за того, что эти три смерти произошли почти одновременно, рассказы о роке, преследующем несчастную крестьянскую семью, превратились в легенду. С того момента никто в деревне уже не сомневался, что ужасное проклятие, *maledizione*, тяготеет над Пальмизано. И если кому-то еще нужны были доказательства, они явились два месяца спустя, в Рождество 1916 года.

Второй год подряд горе стучалось в двери Пальмизано в самую необыкновенную ночь года. Выходя с рождественской мессы, люди узнали о смерти Джузеппе ди Джованни (11). В конце сентября старший из Пальмизано чудом спасся при взрыве, когда австрийцы сделали подкоп и заложили взрывчатку под итальянские позиции на Монте-Чимоне, однако три месяца спустя он был убит в стычке недалеко от перевала Стельвио. Джузеппе направили в Альпы, в горные войска, так как он был специалистом по строительству шахт и его умение очень пригодилось в странной войне, которая разворачивалась на Альпийском фронте: вместо того чтобы атаковать друг друга на поверхности, под открытым небом, итальянцы и австрийцы старательно копали тоннели и закладывали взрывчатку под неприятельские позиции. Под землей, в недрах гор, Джузеппе дал бы фору кому угодно, но наверху, патрулируя заснеженные просторы на высоте порой более двух тысяч метров, он никогда не чувствовал себя уверенно.

За последние недели зимы и всю весну 1917 года не пришло ни одной телеграммы, и отсутствие новостей, казалось, опровергало худшие опасения. На деле же перерыв объяснялся тем, что из-за суровых погодных условий на всем Европейском континенте военные действия почти совсем прекратились. Когда погода улучшилась, проклятие снова дало о себе знать. К Троице стало известно о смерти КATALЬДО (12) в Албании – как раз когда страна превратилась в итальянский протекторат и официально вражда закончилась.

А осенью произошла катастрофа при Капоретто: Изонцкий фронт был парализован, итальянские войска отступили по всей линии от Адриатического моря до Вальсуганы, почти до

самого Тренто, потеряв больше трехсот тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. В один и тот же день, 25 октября 1917 года, всего в нескольких километрах друг от друга пали Вито (13), Джулио (14) и Анджело Джорджо (15). Все трое остались без патронов и были застрелены из ружья в упор, пока офицеры беспорядочно бежали, забыв даже дать приказ об отступлении. Все трое были новобранцами, как раз весной им исполнилось восемнадцать. Когда до Беллоротондо дошли вести о тройном несчастье, все окончательно убедились в том, что ни один мужчина из семьи Пальмизано не переживет этой безжалостной войны и не избежит родового проклятия.

Все в деревне привыкли считать Доменико (16) добряком, человеком со счастливым характером, который всем доволен. Самые жестокосердные держались с ним как с дурачком и поднимали на смех, но он не жаловался, потому что не видел злого умысла в обращенных к нему словах. Не знавшие его удивлялись неизменной улыбке, из-за которой он казался блаженным, но на самом деле она была лишь проявлением его простодушного счастья. Дома в детстве он получил немало тычков за то, что вечно разевал рот и считал ворон. Из-за этой его природной неспособности сосредоточиться школьные учителя также щедро осыпали его затрещинами, пока не признали неспособным учиться и не оставили попыток исправить его подзатыльниками.

Когда Доменико вырос, обнаружилось, что он не такой уж дурачок, каким кажется, – неустойчивый, способный работник, особенно если речь шла о выращивании оливок, он был крепок, как дуб, и не смотрел на время: чем больше работал, тем счастливее казался. На войне он тоже сумел заслужить уважение. Он вызывался добровольцем на самые опасные дела, никогда не обсуждал приказы и ничего не боялся. На самом деле он просто не думал о смерти, абстрактные мысли сроду не приходили ему в голову. Так что в бою все старались держаться поближе к нему. Вечерами, в укрытии, он вспоминал дедушку, который всегда брал его с собой, когда шел в оливковую рощу, и обращался с ним, как с самым нормальным из всех окружающих. Доменико скучал по деду.

– Похоже, зададут нам сегодня жару! – бросил вместо приветствия сменившийся с караула Камброне, входя в блиндаж. – Капитана вызвали в командный пункт. Сдается мне, альпийские егеря готовят новую атаку, пока погода не испортилась, – заключил он, вытягиваясь на своем ярусе койки.

Доменико уже сбился со счета, сколько раз они отбивали и теряли эти чертовы позиции на плато Азиаго, на полпути между Виченцей и Тренто. Глядя на Камброне, который испуганно смотрел на него со своей лежанки, он и представить себе не мог, какая готовится мясорубка. Камброне же, напротив, стоя на посту, заметил непривычное оживление и уже чувствовал, что атака австрийских горных батальонов этим утром, 4 декабря 1917 года, будет не похожа на предыдущие.

– Дай-ка глянуть на твою подружку, – сказал он срывающимся от волнения перед неизбежным сражением голосом.

– Засмотришь, самому не достанется, – ответил Доменико с нервным смешком.

Перед отправкой на фронт, за несколько минут до отхода поезда, он купил в Бари открытку с голой девушкой. За два года войны он изучил ее вдоль и поперек, да и не только он, но и добрая половина роты. Полностью обнаженная девушка позировала, опираясь на табурет в цветочек, подле застланной бархатным покрывалом постели, на которую так и хотелось прилечь. Левую руку она нарочно отвела назад изящным жестом, отчего грудь красиво поднялась. «Всегда готова!» – говорили парни, снова и снова жадно разглядывая грудь девушки. Волосы были волнистые, черные, как шелковые. Длина ровно такая, чтобы пышные локоны падали на затылок, а над ухом лежал крупный завиток. Другую руку девушка согнула в локте и не принужденно положила ладонь на правое плечо, мягко склонив голову так, что щека каса-

лась кисти. Нежный взор был устремлен куда-то вдаль, словно сквозь фотоаппарат. Настоящий ангел. Никто в роте никогда не видел девушки красивее. Все называли ее «подружкой Пальмизано».

Когда накатилась серая волна австрийских горных стрелков, противоречивые приказы посыпались один за другим, становясь все более абсурдными. Сразу стало ясно, что защита позиций обернется катастрофой, и итальянцы кинулись врассыпную, способствуя тем самым полной победе нападающих и увеличивая и без того большие потери бегущих. Доменико, Камблоне и Кампана несколько часов оборонялись на своем участке. Трое товарищей по блиндажу стали неразлучны и всегда сражались в первых рядах. Лишь увидев, что их вот-вот окружат, они отступили и с удивлением обнаружили, что офицеры давно покинули командный пункт.

В долине они нашли остатки бежавшего несколькими часами ранее батальона. Кампана и Камблоне присоединились к своей поредевшей роте, а Доменико прошел мимо и зашагал дальше. С него было довольно двух лет яростных боев на передовой. Он решил вернуться домой.

На дорогах творилась полная неразбериха, и никто не удосужился проверить его документы. Также никто не спросил у него билет и не заинтересовался его личностью ни в одном из поездов, на которых ему довелось ехать. Но когда через неделю он прибыл в Беллоротондо, его поджидала военная полиция – и задержала как дезертира.

Утром следующего дня, когда Доменико увозили в расположение части в Бари, он впервые после возвращения увидел дедушку – тот стоял на обочине, держа спину прямо.

– *Nonno, nonno!*⁶ – закричал Доменико, не понимая, почему дедушка не подходит к нему и почему конвоиры не позволяют ему самому подбежать к деду. Парень, казалось, обезумел и все кричал и кричал. Старик Пальмизано не выдержал и, в отчаянии от того, что не может ни обнять внука, ни объяснить ему, что происходит, поспешно скрылся.

Увидев, что дед уходит, Доменико издал вопль, который прорезал прозрачный воздух ледяного зимнего утра:

– *Nonno!*

Один из конвоиров с силой ткнул его прикладом в живот; от второго удара, в лицо, Доменико лишился чувств. Только тогда вновь стало тихо и его смогли затолкать в машину.

Назавтра Доменико снова увидел деда в зале судившего его военного трибунала Бари. Он не понимал, почему тот не подойдет поговорить, но решил, что если дедушка пришел, то, значит, по-прежнему его любит, и снова улыбнулся своей вечной улыбкой, которая не исчезла с его лица и тогда, когда военный судья вынес смертный приговор.

– Не плачь, дедушка! Война скоро закончится! – успел крикнуть Доменико, пока его вталкивали в поезд, который снова должен был отвезти его на север, в ведение командира роты. Дед смотрел на него с другой стороны перрона. Доменико показалось, что старик как-то сжался.

Обратный путь на плато был намного быстрее дороги в Беллоротондо. Через два дня после отъезда из Бари Доменико уже был в Виченце, на следующий день его перевезли на Азиаго, а оттуда – на вершину Коль-дель-Россо, куда направили уцелевших солдат из рот, уничтоженных 4 декабря. Недавно прибывший на новое место службы капитан немедленно назначил в расстрельную команду немногих оставшихся в живых солдат из роты Доменико, в том числе вызвал Кампану и Камблоне.

Когда капитан скомандовал «Пли!», солдаты расстрельной команды застыли, встретив невинную улыбку Пальмизано, который все еще не понимал, что происходит. Убить его было выше их сил. Они выстрелили в воздух.

– Пли! – в ярости заорал капитан.

---

⁶ Дедушка (ит.).

Солдаты снова промахнулись.

Офицер пригрозил им пистолетом, но те не повиновались.

– Ради бога, капитан!.. – крикнул Камбрене. – Доменико не раз спасал нам жизнь! Меньше месяца назад он один заткнул два пулемета, не дававших нам высунуться из Валь-беллы!..

– Стреляйте, черт вас подери! Стреляйте!.. Я исполняю приказ! Иначе всех вас отправлю под суд!

Солдаты выстрелили, рыдая; когда Доменико упал, до них долетели его последние слова:

– Дедушка, я устал. Отведи меня домой.

Он лежал, скорчившись, на земле, и когда по его телу пробежала последняя яростная конвульсия, все тоже содрогнулось. Потом он вытянулся и затих. Товарищи окружили его, почтительно склонив головы. Камбрене первым нарушил молчание.

– Сукин сын! – крикнул он, глядя капитану прямо в глаза.

Солдат словно обезумел. Он в ярости разрядил свою винтовку в неподвижное тело Доменико – но стрелял не в него, а во всех тех негодных командиров, которые вели их по альпийским плато от поражения к поражению, а сейчас принудили убить лучшего товарища, пусть он и был малость чужаковат и даже умер, не понимая, что происходит.

Когда обстоятельства смерти добряка Доменико Пальмизано дошли до деревни, его дед повесился на оливе. Новость потрясла жителей Беллоротондо и чуть было не вызвала народное восстание.

Джузеппе, сын покойного Франческо Паоло (17), уверовал, что с ним ничего не может произойти, и всю ночь излагал свою теорию товарищу, с которым нес караул на горном перевале. Была ясная январская ночь, и вершины, покрытые выпавшим за последние недели снегом, сверкали в свете полной луны. Это зрелище восхитило бы Джузеппе, не мерзни он так отчаянно, из-за северного ветра холод был невыносим. Никогда бы он не подумал, что можно так мерзнуть.

– Если есть божественная справедливость, со мной ничего уже не случится, – убежденно объяснял Джузеппе. – В начале войны нас, мужчин Пальмизано, было двадцать один, а сейчас осталось только девять! Несчастье, постигшее двенадцатерых из нас, защищает оставшихся.

От Джузеппе скрыли, что Доменико был расстрелян, и ничего не сказали о судьбе трех двоюродных братьев, павших при Капоретто, так что он еще не знал, что в живых оставались только пятеро; он по-прежнему думал, что последним погибшим из их семьи был КATALЬДО. Товарищ не отвечал. Еще поднимаясь на позицию, Джузеппе заметил, что тот неразговорчив, так что беседа почти сразу превратилась в монолог, который не прерывался до самого утра. Джузеппе не знал, как еще бороться с холодом и наваливавшейся дремотой.

Едва забрезжил рассвет, он сказал:

– Теперь можно не волноваться. Сегодня они уже не вернутся.

Напарник по-прежнему хранил молчание. Когда Джузеппе подошел к нему и слегка встряхнул за плечо, чтобы разбудить, тот мешком рухнул на дно траншеи, и только тут Пальмизано заметил спекшуюся кровь на его шее – пуля прошла навылет. Это могло случиться только во время атаки, отбитой накануне вечером, и Джузеппе понял, что всю ночь разговаривал с мертвецом.

Он даже не знал его имени. Джузеппе закрыл ему глаза, перекрестился и некоторое время постоял, сосредоточенно глядя на мертвого товарища, как делают официальные лица во время траурных церемоний. Затем взял винтовку, закинул за спину рюкзак и стал спускаться, потому что их давно должны были сменить. Лагерь оказался брошен. Подразделение бежало в спешке, никто не предупредил часовых. Джузеппе пошел наудачу, пытаясь сориентироваться по совершенно незнакомым ему вершинам. В Беллоротондо у каждого холма, у каждой впадины, у

каждой террасы было привычное имя, но здесь Джузеппе чувствовал себя потерянным. С тех пор как его отправили на альпийский фронт, он только и делал, что бегал по горам, но никогда не знал, как они называются. Вдруг он услышал окрик:

– *Halt!*⁷

Он наткнулся на австрийский патруль.

Через неделю Джузеппе, сын покойного Франческо Паоло, попал в лагерь военнопленных на востоке небольшого австрийского городка Маутхаузен и с ужасом обнаружил, что итальянские пленные тысячами умирают там в страшных мучениях. Еду распределяли охранники, выдававшие заключенным только то, что тем присылали их страны через Красный Крест. Высшее итальянское командование считало попавших в плен трусами и предателями и запрещало высылать им что бы то ни было.

В лагере Джузеппе встретил своего кузена Микеле (18), умиравшего от испанки. Он был одним из более чем ста тысяч итальянцев, попавших в плен в результате разгрома при Капоретто. Джузеппе подоспел как раз вовремя, чтобы в последний раз обнять его и закрыть ему глаза. Через неделю он сам умер от голода, не понимая, почему родные его бросили.

Анджелантонио (19), единственный брат нескольких сестер, тосковал по дому больше всех. И ведь его отправили дальше всех, во французскую Шампань. На Марне он затосковал так, что постепенно тронулся умом. Итальянским солдатам Второго корпуса армии генерала Альбриччи трудно было понять, какого черта они забыли там, на этом Французском фронте. Никто не объяснил им, что после катастрофы при Капоретто итальянское командование попросило помощи у союзников, пять французских и английских дивизий были направлены спасать Италию, а в ответ около сорока тысяч итальянцев перебросили в Шампань и Шмен-де-Дам, что должно было символизировать взаимную выгоду сотрудничества.

Вот так Анджелантонио и оказался в кошмарной траншее в лесу в окрестностях Вриньи, недалеко от окруженного великолепными виноградниками Реймса, с приказом любой ценой отстоять высоту номер двести сорок, которую днем и ночью обстреливала германская артиллерия. Из-за плохой погоды траншея была почти наполовину затоплена грязью. Отсюда Анджелантонио видел колонны мирных жителей, покидавших столицу Шампани, – те больше не могли укрываться в винных погребах, где прятались от германских бомбежек с начала войны. Также он видел, как его товарищи гибли один за другим от разрывов снарядов или отравления газами, против которых были бесполезны маски из полагающегося по уставу комплекта – марлевые повязки, пропитанные антихлором.

Очень скоро поведение Анджелантонио стало странным, а в дни накануне праздника Тела Христова 1918 года он окончательно сошел с ума. Однажды ночью, когда солдаты спали, воспользовавшись передышкой и своей, и вражеской артиллерии, Анджелантонио нес караул и принял крыс, шнырявших между заграждениями из колючей проволоки, за развернувший атаку отряд противника и криками перебудил всю роту. Сбитые с толку тревогой итальянцы и французы, делившие блиндажи, стали обстреливать вражеские позиции; через некоторое время немцы открыли ответный огонь, причем никто не понимал, что происходит. Через час истеричной и бессмысленной перестрелки капитан Монфальконе приказал прекратить огонь.

– Идите спать. Все спокойно, никто нас не атакует.

На следующую ночь Анджелантонио принял уханье совы за тайные сигналы к новой внезапной атаке и опять разбудил роту. Через полчаса яростной перестрелки, в которой никто не пострадал, но которая изрядно потрепала нервы воюющих с обеих сторон, итальянский капитан проявил инициативу и во второй раз приказал прекратить огонь. Тишина снова сошла на лес, но солдатам в ту ночь больше не спалось.

---

⁷ Стой! (нем.)

На третью ночь, прежде чем залезть под одеяло, капитан Монфальконе, студент философского факультета в Лукке, также не понимавший, что он делает в Шампани, приказал позвать Анджелантонио.

– Послушайте, Пальмизано. Если вам опять покажется, что нас атакуют, придите и скажите мне. Не будите больше никого, если только не хотите, чтобы вас тут же расстреляли.

Не успел капитан закрыть глаза, как раздался отчаянный крик:

– За Италию!

Монфальконе одним прыжком выскочил из постели и увидел, что Анджелантонио в одиночку бежит на вражеские позиции. Поскольку ему запретили будить остальных, он, решив, что их атакуют, начал контратаку самостоятельно.

Немецкие часовые подняли тревогу, а увидев, что на них бежит и стреляет всего один человек, прицелились и, вложив в оружие всю злость на этого ненормального, который никому не дает спать, разрядили в него винтовки. Анджелантонио задержался, словно исполняя какой-то жуткий танец, а когда огонь прекратился, упал как подкошенный. Затем в траншеях по обе стороны фронта наступила напряженная тишина. Те и другие задавались вопросом, какой оборот примет это небывалое дело.

– Спасибо! – крикнул вдруг капитан Монфальконе в порыве откровенности, повернувшись к немецким позициям. Он тут же сообразил, что этого делать не стоило, но раскаиваться было поздно, так что он приказал своим людям расходиться на отдых: – Завтра заберем тело этого бедняги. А сейчас попытайтесь хоть немного поспать.

Рота Игнацио (20) – самого молодого из Пальмизано, ему еще не исполнилось и восемнадцати, – 29 июня 1918 года ночевала в перелеске у подножия Коль-дель-Россо, как раз там, где за полгода до того расстреляли беднягу Доменико. На рассвете, не подозревая, как близко находится могила двоюродного брата, он сыграл решающую роль в успешном штурме самой важной вершины Тре-Монти. Игнацио погиб как герой: случайная пуля сразила его, когда он уже почти достиг вершины, а австрийцы готовились отступить.

Последний Пальмизано

Вито Оронцо Пальмизано, последний Пальмизано, уцелел во всех одиннадцати битвах при Изонцо и героически сражался, не получив ни одного ранения за три с половиной года войны. Казалось, самой судьбой ему было предназначено стать единственным выжившим мужчиной семьи. Он открыто выступал против участия Италии в конфликте, который никак не касался апулийских крестьян, но ничего не предпринял, чтобы избежать мобилизации. Долг был для него не пустым словом, воевал он храбро, не впадая при этом в безрассудство и не воодушевляясь сверх меры. По сути, он был самым благоразумным из всей семьи и наиболее серьезно относился к войне.

На фронте он жил сегодняшним днем, а к военным столкновениям подходил сосредоточенно, проявляя необыкновенный инстинкт выживания. В своих действиях на поле боя он всегда руководствовался принципом не рисковать сверх необходимого, при этом не сомневаться и не поддаваться панике, что может оказаться еще опаснее. Нельзя сказать, что он оставался безучастным к ужасам войны, – напротив, в траншее он остро чувствовал собственную отчужденность от мира, страдал от голода и очень боялся химических атак. Но больше всего ему не доставало Донаты, ставшей его супругой лишь наполовину: они поженились утром того же дня, когда Вито Оронцо отправлялся на войну, и успели только второпях обменяться клятвами в вечной верности, не проведя ни минуты наедине. Вот уже более трех лет его семьей была сто шестьдесят четвертая рота.

В последние месяцы он часто оказывался в одной траншее с земляком, Антонио Конвертини, и вскоре они стали неразлучны. Судьба свела их сначала в одном батальоне, а после перегруппировок, вызванных поражением при Капоретто, и в одной роте. Их жены, Доната и Франческа, двоюродные сестры родом из Матеры, что в двух днях пути от Беллоротондо, с детства были не разлей вода. По инициативе нового начальника генштаба, генерала Армандо Диаса, который пытался поднять боевой дух деморализованной армии, земляки одновременно получили первый с начала войны отпуск.

В день, когда они отправлялись домой, до солдат, стоящих на реке Пьяве, дошли слухи о готовящемся наступлении, и в окопы вернулся былой оптимизм.

– Вы все пропустите, – с завистью шутили провожавшие их товарищи. – Когда вы вернетесь, мы уже победим. Австрийцы сдадутся или разбегутся, а вам придется искать нас аж за Любляной.

Действительно, все указывало на то, что война скоро закончится, и когда 17 октября 1918 года Вито Оронцо Пальмизано прибыл в Беллоротондо вместе с Антонио Конвертини, казалось, будто он обманул смерть и спасся от семейного проклятия. В этой глупой войне погибли два его родных брата, Стефано и бедняга Доменико, и восемнадцать двоюродных; Вито Оронцо был последним мужчиной в семье.

Вид деревни привел его в замешательство. Она и близко не походила на то, как он представлял ее себе на фронте. Целые семьи ходили в трауре. На заброшенные оливковые рощи и виноградники жалко было смотреть. И было непохоже, что старики восхищаются подвигами молодых на полях сражений, – они только ждали, чтобы войне наступил конец. Также он с гневом убедился, что сыновья местных богачей избежали мобилизации и продолжали ухаживать за своими виноградниками, которые по-прежнему плодоносили. Все это подтверждало ходившие в траншеях слухи, будто бы власть имущие откупались от войны. Антонио Саландра, премьер-министр, горячо поддержавший участие Италии в конфликте, был тому самым позорным примером: он бесчестно юлил до тех пор, пока не выгородил от призыва всех троих своих сыновей.

Вито Оронцо не хотел больше думать об этом и горячиться понапрасну. Он отодвинул от себя беспокойные размышления и решил душой и телом наслаждаться неделей отпуска, о котором мечтал больше трех лет. Осеннее солнце Апулии было великолепно, а близость Донаты будоражила. Он не хотел ничего упустить.

Каждый день они ранним утром поднимались в оливковую рощу по узенькой тропке, петлявшей среди виноградников. Доната гордилась тем, что на ее лозах сорта «вердека»⁸ завязались грозди, – во всей долине мало кто мог этим похвастаться. Доната и другие женщины ее семьи от зари до зари трудились не покладая рук, чтобы восполнить нехватку работников, и, вопреки всем деревенским предсказаниям, получили прекрасный урожай. Наверху, в самой большой оливковой роще, супруги встречались с соседскими женщинами и стариками, которые группами приходили помочь им со сбором самого позднего винограда, посаженного между оливами. Вито Оронцо и Доната всегда шли впереди сборщиков вместе с Антонио Конвертини и Франческой, неизменными помощниками. Кончетта, вдова брата Вито Оронцо Стефано (8), возглавляла другую группу. Всего за неделю, что длился отпуск, они собрали весь урожай «примитиво»⁹ с лоз, росших у подножия красных олив, или «нузарол», как их называли крестьяне; оливки постепенно лиловели, обещая скоро созреть.

В сумерках они спускались в усадьбу, подходя к старинному семейному дому с другой стороны, через рощу ольстры, или, как говорили здесь, «ньястре», – дикорастущей оливы, плоды которой всегда поспевали быстрее. Вито Оронцо поглядывал на дикие деревья и с беспокойством говорил Донате:

– В начале следующего месяца пора будет собирать, не пропустите! Эти вон уже созрели.

А вечером они наверстывали упущенное за время принудительной трехлетней разлуки, запираясь дома и осыпая друг друга ласками.

Отпуск пролетел как одно мгновение. 24 октября Вито Оронцо и Антонио должны были сесть на поезд в Бари, вернуться на север и разыскать свою роту, которая за эти дни вместе со всем батальоном переместилась в регион Витторио-Венето. Итальянцы перешли в наступление.

На рассвете в день отъезда Вито Оронцо и Доната прощались на кухне; она приводила в порядок его китель, но тут же отрезала каждую пришитую пуговицу.

– То есть им без тебя никак не победить в этой проклятой войне? Почему ты не можешь задержаться еще на пару дней?

– Ты и сама не заметишь, как война закончится и я снова буду здесь, с тобой.

Вито Оронцо стал целовать жену в шею, затем нашел ее губы. Он распустил волосы Донаты, и они упали ей на грудь, которую Вито Оронцо уже осыпал поцелуями, не добравшись еще до последних пуговиц блузки... Доната лежала на кухонном столе, скомкав юбки, а Вито Оронцо жадно ласкал все ее тело. Они предавались страсти, словно их обуряло безумие.

Наконец они встали, он последний раз поцеловал ее в губы, и они выбежали из дома, застегиваясь на ходу. Они прибежали на вокзал одновременно с такими же раскрасневшимися Антонио и Франческой. Те тоже задержались на кухне у себя дома, на площади Санта-Анна, в центре Беллоротондо. Накануне они ужинали в палаццо семьи Конвертини, самом внушительном старинном особняке Беллоротондо, и не могли отделаться от родни до самого утра. Когда они наконец вернулись к себе, спать было уже некогда.

Вито Оронцо и Антонио едва успели вскочить в вагон.

---

⁸ Вердека – итальянский, а точнее даже апулийский, сорт винограда, из него делают белое вино.

⁹ Примитиво – итальянский сорт винограда; *primitivo* на итальянском означает «первый», это указание на то, что урожай созревает рано.

«Ты времени даром не терял!» – одновременно сказали они друг другу, едва устроившись в купе и заметив, что оба одинаково запыхались, и громко расхохотались. И, смеясь, оба высунулись в окно, чтобы еще раз напоследок поцеловать жен.

– Что-то говорит мне, что мы вернемся еще до Рождества! – бодро прокричал Вито Оронцо жене, когда поезд уже тронулся, увозя их в столицу региона.

Доната и Франческа смотрели им вслед – парни смеялись как сумасшедшие, высываясь из окна. Женщины стояли на перроне, держась за руки, пытаясь сохранить в памяти улыбки мужей, которые стремительно уменьшались вместе с поездом, уносившим их вдаль. Перед поворотом те в последний раз помахали женам – и пропали из виду.

Третьего ноября австрийцы подписали перемирие. Самая долгожданная новость пришла в Беллоротондо под вечер солнечного и очень мягкого для этого времени года воскресного дня; люди высыпали на улицы, обнимаясь и крича от радости. На следующий день городской совет объявил три выходных, и размах веселья превзошел все ожидания местной администрации. Многие семьи разрывались от противоречивых чувств – скорби по погибшим в траншеях и радости от окончания войны, но в конце концов склонились к тому, чтобы забыть о горестях. Мертвые остались в прошлом, погребенные в туманных северных землях. Пришло время праздновать наступление мира, и каждый вечер на площади, на террасе над долиной, собирались крестьяне, которых тянуло потанцевать под музыку деревенского оркестра и отметить как положено возвращение выживших.

Доната и Франческа тоже вышли на улицу, чтобы отпраздновать окончание войны, но им было не до танцев: они ходили из конца в конец деревни, пытаясь выяснить, когда же мужья вернутся с фронта.

– У Рима нет денег, чтобы кормить солдат. И пары недель не пройдет, как их отправят по домам! – уверил их священник, любивший похвалиться тем, что всегда в курсе всех событий.

В то воскресенье Доната до рассвета просидела на кухне и так и уснула, уронив голову на руки. Ей снилось, что Вито Оронцо целует ее в шею и расстегивает на ней блузку. Проснувшись она от непривычного стука в дверь. Когда она открыла, служащий местной администрации не осмелился поднять на нее глаза. Он вложил ей в руки конверт и торопливо ушел, пробубнив что-то на прощанье. Доната прочла: «Администрация Беллоротондо (провинция Бари) уполномочена известить родственников Вито Оронцо Пальмизано, сына Джорджо и Брунетты, солдата 164-й роты 94-го Пехотного полка, номер по спискам 18309, 1892 г. р., что он покинул мир живых 4 ноября 1918 года...»

Доната никак не могла взять в толк, что это за сообщение. Она поискала шапку письма, которую сначала пропустила, торопясь узнать, когда же муж вернется. В верхней части бланка крупными буквами было напечатано: «94° *Reggimento Fanteria. Consiglio di Amministrazione. AVVISO DI MORTE*»¹⁰.

Мир замер. Она почувствовала, что ноги не держат ее, и без памяти упала на ступеньки у входа. В это время тот же служащий спешил на площадь Санта-Анна с таким же извещением для Франчески, чтобы сообщить о смерти Антонио Конвертини. Невероятно, но оба друга погибли четвертого ноября в полдень, как раз когда вся армия напряженно ждала, что последует за подписанным накануне приказом о прекращении огня, который вступал в силу в два часа пополудни в тот же день.

Официальное сообщение об этих бессмысленных смертях дошло до Беллоротондо с трехдневным опозданием, когда на площади уже разбирали помост, возведенный для оркестра, украшавшего своей музыкой торжества по случаю окончания войны. Все девять тысяч жителей Беллоротондо решили перелистнуть страницу в своей жизни и уже не хотели думать о беде, постигшей двух несчастных. Доната в одиночестве встретила известие о смерти последнего

---

¹⁰ 94-й Пехотный полк. Полковой совет. Извещение о смерти (*ит.*).

Пальмизано, означавшей исполнение семейного проклятия, а затем укрылась в доме Франчески – единственной, с кем она могла разделить свою боль.

С того дня они всегда были вместе и поддерживали друг друга, но все еще не могли поверить, что их мужья не вернутся. Как они могли погибнуть, если война закончилась? В декабре с фронта вернулся Джузеппе Вичино по прозвищу Тощий, работник Конвертини, прослуживший последние месяцы в роте Вито Оронцо и Антонио. Капитан поручил ему передать личные вещи погибших. Тощий рассказал вдовам о последних часах их мужей, ставших еще одними жертвами войны:

– Двадцать шестого октября, когда Вито Оронцо и Антонио вернулись из отпуска, мы как раз начали наступление. Армия зашевелилась, потому что американцы и англичане давили на наше командование. «В последнее время вы так хорошо держитесь под натиском австро-венгров – может, вы еще на что-нибудь способны», – так они говорили. Итальянские генералы обиделись и приказали перейти в наступление. Удивительное дело, но противник оказался мягким, как масло, и мы легко перешагнули их укрепления в районе Витторио-Венето. Через несколько дней мы освободили Тренто, австрийцы уже почти и не стреляли, некогда им было, им только давай бог ноги...

Доната и Франческа обливались слезами и сжимали в руках бумажники мужей, словно сокровища; внутри они нашли свои собственные фотографии и свои же письма. Женщины вслушивались в слова Тощего, все еще питая абсурдную надежду, что у рассказа будет счастливый конец, как если бы слова солдата могли опровергнуть реальность и воскресить их мужей.

– Четвертого ноября было решено продолжать наступление, чтобы к моменту подписания мира у нас под контролем было как можно больше земли. Мы шли вперед, но никто уже не стрелял, солдаты с той и с другой стороны только посматривали на часы – мы знали, что в два вступает в силу приказ о прекращении огня. Около десяти часов предательский выстрел ранил Антонио в ногу. Прежде чем он упал, второй выстрел ранил его в грудь. Мы все укрылись, а он остался под огнем снайпера, засевшего, видимо, в одном из домов. Вито Оронцо не думал ни секунды, ведь с самого возвращения из отпуска они не расставались. Он бросился к Антонио, чтобы подобрать его. Снайпер взял его на мушку, но чудом промазал. Бежать без прикрытия второй раз было бы самоубийством, и они больше двух часов пролежали за какими-то руинами. Мы в это время пытались выбить снайперов из домов, но нам мешал австрийский арьергард. Антонио истекал кровью, и Вито решился на перебежку. «Я должен вытащить его отсюда. Ему нужен врач, срочно!» – крикнул он нам. Мы хотели разубедить его: «Слишком опасно, не вздумай». Но его ответ был: «Он не выдержит, мы выходим».

Тощий помолчал. Прежде чем продолжить, он отвел взгляд и уставился на стол, словно извиняясь.

– Вито Оронцо взвалил его на спину и побежал, стараясь держаться стены. Послышался выстрел, он упал. Еще до того, как мы что-либо поняли, снайпер выстрелил второй раз и снова попал в Антонио. Позже мы увидели, что оба выстрела пришлись в голову. Оба умерли мгновенно.

Доната отвернулась к окну. Во время рассказа она закрыла глаза и попыталась представить себе последние секунды своего Вито Оронцо. Ее муж погиб, когда война официально уже закончилась, но он умер, не думая об этом. Он не мучился перед смертью. Это было слабым утешением. Она закрыла лицо ладонями, ей тоже хотелось умереть.

Часть вторая. Сад белых цветов

Дом вдов

После войны в Беллоротондо осталось много вдов, но в качестве прозвища это слово закрепилось за Донатой и Франческой. Когда они решили поселиться вместе, чтобы разделить свое горе, люди не случайно окрестили дом Франчески на площади Санта-Анна Домом вдов. В любой деревне молодые и красивые вдовы ценятся высоко, но эти, безусловно, выделялись на общем фоне. Доната была красива спокойной, приветливой красотой; у нее были очень живые карие глаза, а на губах легко появлялась улыбка. Вдова последнего Пальмизано не скрывала своего крестьянского происхождения, она была исполнена скромного очарования пастушки, сошедшей со страниц воспевавшего буколические сцены рекламного календаря. Вдова же Конвертини успела за три года супружеской жизни дополнить свою природную красоту соблазнительной элегантностью представительницы одной из богатейших семей Апулии. Внешность Франчески была эффектной: роскошные длинные черные волосы, смуглая кожа, потрясающие зеленые глаза и блестящие, влажные, аппетитные губы. И тело великолепное: тугие округлые груди, как два персика, сильная спина, полные бедра и гибкая как тростник талия, что плавно изгибалась в такт шагам ее длинных ног.

Сначала вдовы рыдали сутки напролет. Спустя какое-то время они научились сдерживать слезы, но проводили дни, бродя по дому как неприкаянные души. Так продолжалось до тех пор, пока однажды Франческа не зашла на кухню, улыбаясь во весь рот, – Доната последний раз видела ее такой, когда их мужья были еще живы и приезжали в отпуск.

– Я жду ребенка!

Доната вскочила и обняла кузину, так же засияв от радости. Но, снова опустившись на лавку, она невольно прикусила губу. Франческа заметила ее беспокойство, не вязавшееся с чудесной новостью. Что-то было не так.

– Что такое? Ты не рада? – спросила она.

– Конечно же, рада... – Доната замялась. И наконец выпалила: – Я тоже беременна!

– Да ты что! И ты молчала? – Франческа громко рассмеялась. Она схватила Донату за руки, подняла с места и закружила. – Ура! Если родятся мальчик и девочка, то когда вырастут, мы их поженим!

– Не шути, Франческа. Я и так ночей не сплю. Мне страшно.

– Почему?

– А если родится мальчик?

– И что? Ты не хочешь мальчика?

– Мне нельзя рожать мальчика! Я обреку его на проклятие Пальмизано! Как я буду кормить его, думая, что его убьют, когда он вырастет! Не знаю, что сделали Пальмизано, за что на них обрушился Божий гнев, но как я могу пожертвовать сыном!

– Это в прошлом, Доната, война окончилась.

– Войны никогда не оканчиваются насовсем. Они всегда возвращаются. Война, считавшаяся оконченной, украла у нас с тобой половину жизни!

Франческе не хотелось быть суеверной, но очевидно, что Доната права: по какой-то неизвестной причине Господь решил наказать Пальмизано и приговорил их мужчин к смерти. Франческа обняла двоюродную сестру, гадая, как же могло получиться, что новая жизнь, зародившись, принесла с собой столько страхов.

Они долго молчали. Наконец Доната отстранилась и, умоляюще глядя в самую глубину огромных зеленых глаз Франчески, попросила:

– Ты должна пообещать мне, что если родится мальчик, ты возьмешь его к себе и воспитаешь как Конвертини. Мы назовем его Витантонио. Только мы будем знать, что это в честь моего Вито Оронцо, отца ребенка, и твоего Антонио, который даст ему фамилию и надежду пересилить проклятие Пальмизано.

В следующие месяцы, пока Франческа ходила по деревне, выставив живот, Доната прятала свою беременность в доме-пещере, вырубленном в горе в Сасси – скальном пригороде Матеры, откуда была родом вся ее семья. Когда приблизилось время родов, она тайком вернулась в Беллоротондо, в Дом вдов. Оба ребенка появились на свет в День святой Анны, ранним утром 26 июля 1919 года. Доктор Риччарди, единственный, кого посвятили в тайну, присутствовал при родах, которые удачно совпали с отвлекшим внимание людей праздником в честь святой покровительницы деревни – пусть и скромным в то лето из-за того, что многие семьи были еще в трауре.

Доната родила первой, сразу после полуночи. Доктор взял ребенка на руки и медлил, сколько было возможно, прежде чем вымолвить:

– Мальчик.

Мать закрыла глаза, чтобы подавить рвавшийся наружу из самой глубины ее существа крик отчаяния. Ее словно пронзило острое лезвие. Затем она открыла полные безутешных слез глаза и попросила:

– Дайте мне его, Габриэле.

Доктор Габриэле Риччарди был семейным врачом Пальмизано, но также пользовал и семью Конвертини. Он был единственным в окрестностях специалистом, кто равно посещал и богатых пациентов, и бедных крестьян, которым не хватило бы денег даже на одну дозу хинина. Он положил младенца на грудь матери и вышел из комнаты. Доната сжала ребенка с такой силой, что тот заплакал. Доктор стоял в коридоре, прислушиваясь и размышляя, сможет ли он выполнить жестокий договор, на который вот-вот согласится, и сохранить тайну. Он вернулся в комнату.

– Ты уверена, что хочешь этого?

– Я умру от горя, но он обойдет проклятие.

Врач промолчал, но глаза его затуманились, и он отвернулся. Малыш все плакал.

– Сколько в нем силы! Подумать только, что эта жизнь обречена из-за абсурдного проклятия! – горько пожаловалась Доната.

В этот момент Риччарди понял, что не сможет противиться.

– Будет лучше сразу отнести его Франческе, чтобы он привыкал к ней, – сказал доктор. – У нее еще несколько часов в запасе.

Риччарди наклонился, чтобы взять ребенка, но Доната прижала его к себе, умоляя:

– Еще минуточку!

Она целовала ребенка и клялась ему в вечной любви.

– Может быть, однажды ты поймешь... – прошептала она. – Ни одна мать никогда не любила своего ребенка так, как я...

Доктор Риччарди сидел на стуле в темном углу комнаты и плакал, не зная, на кого обратить свою ярость за столь несправедливое проклятие. Затем он решительно встал, поцеловал Донату в лоб, взял у нее ребенка и отнес Франческе.

Лежа в постели, Доната слышала, как младенец успокаивается на руках своей новой матери. Доктор перестал ходить из комнаты в комнату и удалился на кухню. Время от времени до него доносился плач ребенка. Или это были сдавленные рыдания Донаты? Затем все в доме ненадолго стихло, и Риччарди задремал, сидя на стуле. Проснувшись, он умылся и подготовил Франческу к родам. В комнате Донаты стояла тишина. Когда доктор вошел к ней убедиться, что все хорошо, он увидел, что та тихонько ушла, пока он спал.

Утром, около шести, Франческа родила девочку. На следующий день вся деревня с удивлением узнала, что у вдовы Конвертини двойня. Через неделю отец Феличе, духовник семьи, в ходе пышной церемонии в церкви Иммаколаты окрестил малышей – Витантонио и Джованна Конвертини.

Тетя

После родов Доната все время жила у Франчески, так что когда «двойняшки» заговорили, они сразу стали звать ее *zia*, «тетя». В сущности, малыши росли с двумя матерями, которые втайне от всей деревни делили все заботы. Когда приходило время кормить, Доната давала грудь Витантонио, своему сыну, Франческа же брала Джованну. Но иногда они менялись детьми, и те привыкли к двум мамам – одна была *mamma*, а другая *zia*.

Расположение дома Франчески предоставляло много мелких преимуществ. Они жили в центре деревни и в то же время могли наслаждаться природой и свежим воздухом; главный фасад смотрел на Виа-Кавур, но позади дома был небольшой двор, выходивший на площадь, обращенную к фасаду церкви Святой Анны, покровительницы Беллоротондо, поэтому прочие жители называли строение не только Домом вдов, но и Домом на площади Санта-Анна. С верхнего этажа со стороны площади открывалась великолепная панорама оливковых рощ и труллов долины Итрии, охватывающая пространство от холмов Альберобелло до склонов Чистернино. Издали было видно, что дом высится в самом центре величественных очертаний Беллоротондо – круглой в плане деревни, занимающей вершину холма, как стражник, готовый в любой момент защитить самую плодородную и наиболее справедливо разделенную между скромными крестьянами долину на всем юге Италии. Если бы дом на площади Санта-Анна был чуть выше, он был бы открыт всем ветрам, а с южной стороны можно было бы разглядеть дома и особняки Мартина-Франки, лепившиеся к собственному холму, первому за пределами Итрийской долины.

Дом стоял как нельзя лучше, но двоюродным сестрам этого было мало, они тосковали по тем временам, когда в детстве пасли коз на окраинах Матеры. Борясь с ностальгией, они населили двор животными, и куры, кролики и голуби вскоре стали любимыми игрушками Джованны и Витантонио.

На воспитание детей также неявно влияла бабушка, Анджела Джустиниан, венецианка, в детстве привезенная в Апулию, когда семья последовала за отцом в его новом назначении. Вследствие замужества она стала главой клана Конвертини и никогда не забывала, что дети – отпрыски ее старшего сына и, значит, в них течет и ее кровь. Трагическая гибель Антонио на войне не могла помешать детям вырасти настоящими Конвертини. Семья процветала благодаря лесопромышленному предприятию и быстро вошла в число самых состоятельных в регионе. Дела на старинной семейной лесопилке пошли в гору, когда Антонио Конвертини Старший решил привозить ель из Австрии, а также стал брать крупные партии каштана из лесов Тосканы и Гаргано. Его скоропостижная кончина была внезапным ударом. Но когда закат предприятия казался уже неизбежным, вдова неожиданно для всех взяла бразды правления в свои руки и вдохнула в дело новую жизнь, добившись результатов лучше прежнего; особенно этому способствовало решение покупать русскую ель с берегов Волги, гораздо более прочную, чем австрийская.

Анджела сразу же проявила такой выдающийся характер и такую предпринимательскую смекалку, ставившую ее на голову выше мужчин-конкурентов, что в деревне ее стали называть «синьора Анджела», а некоторое время спустя – уже и просто «синьора». И никто не сомневался, что Анджела Конвертини была настоящей хозяйкой, синьорой, всей деревни Беллоротондо.

26 июля 1923 года двойняшкам исполнилось четыре. Это был День святой Анны, и вся деревня отмечала праздник своей небесной покровительницы. В разгар празднования дня рождения детей Франческа стало плохо. С того дня визиты к врачу участились, и наконец снимки показали худший из возможных диагнозов: туберкулез. Доната окончательно оставила дом

Пальмизано на окраине Беллоротондо, в котором и без того жила лишь время от времени, деля его со своей свояченицей Кончеттой, и навсегда переселилась в дом на площади Санта-Анна, чтобы взять на себя попечение о теле и душе больной и детей. Синьора Анджела предприняла отчаянную попытку отправить Франческу в санаторий, но та отказалась наотрез, сказав, что нигде ей не будет лучше, чем дома, и никто не будет за ней ухаживать лучше двоюродной сестры. Она нашла бы и другие отговорки, потому что ни за что на свете не рассталась бы с малышами.

С той осени и до следующей весны длительные периоды в постели перемежались у Франчески эпизодическими улучшениями. Доната не отходила от нее. Вместе они вспоминали детство в Матере и строили планы на те дни, когда Франческа выздоровеет, хотя обе знали, что этого не произойдет и трагический исход – лишь вопрос времени. Тем не менее Доната не позволяла Франческе опускать руки. Каждую неделю она забивала кролика или курицу и заставляла больную подкрепить питательной едой силы, подтачиваемые болезнью, а по вечерам варила бульон из голубя и стояла у изголовья кровати, пока Франческа не выпьет его весь. Летом наступило одно из непредсказуемых улучшений, и в День святой Анны кресло-качалку больной даже вынесли во двор, чтобы она могла участвовать в праздновании дня рождения детей и посмотреть фейерверк, устроенный в честь святой покровительницы деревни.

Наметившееся выздоровление оказалось миражом. В сентябре Франческа снова слегла и уже не вставала. Ей стремительно становилось хуже, и доктор Риччарди подготовил семью к неизбежному концу. Больная исхудала до неузнаваемости. Кашляя, она пачкала платки кровью, а свистящие хрипы ее дыхания были слышны даже в самых отдаленных уголках дома и предвещали скорую смерть.

Вопреки прогнозу врача, наступило новое небольшое облегчение, и Франческа прожила весь октябрь и ноябрь. Декабрьским вечером накануне праздника Непорочного зачатия Девы Марии она сама поняла, что время пришло, послала за нотариусом Фини и продиктовала завещание. Ранним утром следующего дня она попросила привести к ней священника, отца Феличе, духовника семьи и брата Анджелы Конвертини, который соборовал ее. После полудня она позвала синьору Анджелу, обе заперлись в комнате, а через два часа они пригласили войти отца Феличе; вскоре прибыли также мэр Беллоротондо и нотариус, которые присоединились к собранию.

Был уже восьмой час, когда посетители разошлись. Доната вошла к больной и обнаружила, что та уже почти не дышит. Казалось, она дремлет, но на губах ее играла загадочная улыбка. Уловив шорох, Франческа открыла глаза. Она взяла двоюродную сестру за руки, и улыбка стала шире.

– Не волнуйся, Доната, все будет хорошо. А теперь приведи ко мне детей, я хочу попрощаться.

Она никогда не делала между ними различий и сейчас обняла так, словно оба ребенка были ее родными, и немного задержала их в объятиях: перед смертью ей хотелось напитаться их запахом и сохранить его навеки. Затем Доната увела детей и уложила спать. Когда она вернулась к изголовью кровати больной, Франческа все так же загадочно улыбалась, но глаза ее были снова закрыты. Она открыла их, услышав шаги.

– Они уснули? – спросила умирающая едва слышно.

– Да, помолились ангелу-хранителю и уже спят. Все эти дни они стараются не спать как можно дольше... Они не понимают, что происходит, но чувствуют, что что-то надвигается.

Франческа плакала. Доната припала к ней и стала целовать в глаза, в щеки. Их слезы смешались. Франческа попыталась отстраниться, чтобы заглянуть Донате в глаза, но силы уже покинули ее. Ей оставалось всего несколько мгновений, и она прошептала сестре на ухо:

– Я исполнила свое обещание. Теперь ты должна поклясться, что будешь обращаться с Джованной, как с родной дочерью.

И в ту секунду, когда Доната произнесла: «Клянусь», Франческа в последний раз попыталась набрать в легкие воздуха, но лишь беззвучно выдохнула и скончалась.

Четыре евангелиста

На похоронах Франчески Доната возглавляла траурную процессию вместе с синьорой Анджелой, и все восприняли это как должное, потому что считали ее полноправным членом семьи Конвертини. Доната вошла в церковь Иммаколаты, ведя за руку маленьких Джованну и Витантонио, и не отпускала их всю службу. И два часа спустя на кладбище Беллоротондо они все еще были вместе – со склоненными головами стояли перед впечатляющим семейным склепом Конвертини, сжавшись от страха и крепко держась за руки, словно горестные изваяния. Доната и Джованна были с ног до головы в черном; у Витантонио черный галстук и траурная нарукавная повязка резко выделялись на фоне белой рубахи.

Люди подходили к Донате выразить соболезнования, словно она была самой близкой родственницей покойной, а затем гладили детей по щеке или ласково ерошили им волосы и, отходя, уже не сдерживали слез. Беззащитные фигурки двойняшек вызвали в суровых сердцах уроженцев Апулии такую жалость, на которую они не были бы способны ни при каких других обстоятельствах.

Приняв соболезнования, Доната подошла к братьям Конвертини и по очереди расцеловала их. Первым – Анджело, который после смерти Антонио занял его место на лесопилке и стал главой семьи. Затем Марко, Маттео, Луку и Джованни, известных в деревне под прозвищем «четыре евангелиста». Все четверо учились в Бари, там же женились и остались там жить. Марко был адвокатом, Маттео работал у тестя-сапожника, Лука строил карьеру в «Банка пополаре»¹¹, а Джованни, хотя и был инженером, открыл в Отранто химическое предприятие вместе с тамошним родственником и собирался туда переехать. Потом Доната расцеловалась с их младшей сестрой Маргеритой. Та вышла замуж за сына венецианского нотариуса и уехала к нему на север, проделав тот же путь, что когда-то ее мать, только в обратном направлении. Наконец она подошла к синьоре Анджеле. Женщины устремили друг на друга испытующие взгляды; Донате показалось, что прошла целая вечность. Потом Анджела Конвертини обняла ее за плечи, притянула к себе и четырежды поцеловала.

Все еще держа детей за руки, Доната развернулась и пошла к выходу. Они шли мелкими неуверенными шажками мимо соседей, стоявших группами и обсуждавших случившееся. Казалось, все искренне горюют. Люди расступались, давая им дорогу, и когда Доната с детьми дошли до ворот кладбища и направились по длинной, обсаженной кипарисами аллее в деревню, никто не удивился, что вдова Вито Оронцо Пальмизано, бедная крестьянка из Матеры, уводит детей Франчески, вдовы старшего Конвертини. Как никого не удивило и то, что ни дядя, ни бабка Анджела, истинный стержень семьи, этому не противились.

---

¹¹ «Народный банк» (ит.).

Как мать – матери

На следующий день после похорон Франчески Доната мыла главную прихожую дома, выходящую на Виа-Кавур. Джованна и Витантонио с криками вбежали с улицы и застали ее на коленях, с тряпкой в руке.

– Тетя, тетя! К тебе пришел какой-то господин! Очень нарядный!

Подняв глаза, Доната увидела нотариуса Фини и, сама не зная почему, забеспокоилась.

– Что-то случилось? – спросила она, не вставая.

– Добрый день, госпожа Пальмизано. Вы не могли бы зайти ко мне, чтобы обсудить последнюю волю несчастной Франчески? Дело касается вас и детей. Вас не затруднит прийти в контору завтра утром?

– Да, конечно... Но в чем же дело? Вы видите, детям со мной хорошо.

В тот день Доната не могла есть за обедом и забыла накормить детей полдником. Видя, что она плачет, малыши льнули к ней, пытались утешить ласками и поцелуями. Ближе к вечеру Доната взяла детей и они пошли в церковь Иммаколаты.

– Мы идем к маме? – немного испуганно спросил Витантонио, входя в церковь. Ему никогда не нравились каменные львы у дверей: издали они казались безобидными, но вблизи было видно, что у них острые зубы и свирепый взгляд, в котором читалась угроза.

Доната направилась в левый неф и остановилась перед капеллой Богоматери Скорбящей. Подняв голову, она устремила взгляд на серебряный меч, пронзивший сердце Марии, и почувствовала ту же боль, что с самого рождения Витантонио мучила ее всякий раз, как она приходила сюда молиться за него и за себя. Она посадила детей на скамейку, а сама упала на колени перед скорбной фигурой Святой Девы. В отчаянии она не находила другого выхода, кроме как умолять Богоматерь о заступничестве.

– Как мать – матери! – вырвалось у нее горячим шепотом.

Помолившись у образа Девы Марии, они перешли в капеллу Святого Причастия, большую по размеру и приспособленную для ночных бдений. Доната передвинула одну из лавок за исповедальню и села; дети легли, положив головы ей на колени, лицом к монументальной сцене Рождества Христова, высеченной в камне слева от входа. Она обняла детей и с облегчением отметила, что те немного успокоились, разглядывая каменные фигуры, в особенности овечек, изображенных подле пастухов почти в натуральную величину, и вола с ослом, согревающих младенца Христа своим дыханием.

Дети уснули, а когда и Доната смогла наконец сомкнуть глаза, ей приснился кошмар: львы с портала гнались за овечками из вертепа; у львов были острые когти и свирепые, вылезающие из орбит глаза. Постепенно львы становились похожи на Анджело Конвертини и его братьев, а овечки – на Витантонио и Джованну, они в страхе убегали, пытались найти спасение у тети. Несмотря на ледяную декабрьскую ночь, Доната проснулась в поту и поклялась, что больше не уснет, в ужасе от того, что может проснуться и не обнаружить детей рядом.

Она явилась к нотариусу вместе с детьми, готовая доказать, что ни с кем им не будет лучше, чем с ней. Войдя в кабинет, Доната испугалась, увидев, что Анджела Конвертини и ее сын Анджело сидели в креслах по обе стороны стола. Синьора Беллоротондо была одета во все черное, подчеркнуто строго, но на шее висела золоченая цепь и массивный золотой крест, почти как у местного епископа. Анджело был в темном шевиотовом костюме, из кармана жилета тянулась золотая цепочка часов, принадлежавших его отцу, основателю династии. С момента гибели Антонио на войне Анджело всячески подчеркивал, что теперь он старший сын, и использовал малейшую возможность, чтобы заявить о своих правах на наследство Конвер-

тини. Однако в итоге он всегда вынужден был отступать перед подавляющей, природной силой матери, которая без видимых ухищрений утверждала свой статус безусловной главы семьи.

В комнате находились также «четыре евангелиста». Марко сидел отдельно на стуле, а Маттео, Лука и Джованни устроились сбоку, на диване. Отец Феличе, брат синьоры Анджелы, ходил по кабинету взад и вперед с брeвиарием¹² в руке и явно чувствовал себя не в своей тарелке. Сюда пригласили и господина Маурицио, мэра, который безучастно сидел в кресле в глубине комнаты. Присутствие должностного лица окончательно напугало Донату.

– Садитесь сюда, рядом с Марко. Моя мать отведет детей на кухню и чем-нибудь займет их.

Доната с трудом выпустила детские руки, все это внушало ей опасения. Когда мать нотариуса увела Витантонио и Джованну, Доната почувствовала слабость в ногах и ей пришлось опереться о стул.

– Итак, – потребовал общего внимания нотариус, усаживаясь за стол.

«Четыре евангелиста» подались вперед, и Доната заметила, что все четверо совершенно одинаково подкручивают обеими руками кончики усов, приготовившись внимательно слушать разъяснения нотариуса Фини. Сцена была комичной, но Донате было не до смеха, она никак не отреагировала и на громкое сопение отца Феличе, усевшегося наконец у противоположной стены. Она ощущала, что задыхается, и прочитала про себя молитву «Аве Мария», чтобы отвести худшие опасения. Никогда еще она не чувствовала себя такой верующей, как в последние несколько часов.

– Все это немного странно, – начал нотариус, – но все мы согласны с тем, что если такова последняя воля Франчески, мы ее исполним. Прежде чем составить документ, я разъяснил ей, что эти распоряжения противоестественны и могут быть превратно истолкованы, но она настояла на своем. Так что я резюмирую ее завещание: собственность, которую Франческа унаследовала от своего мужа, Антонио, следует разделить на две части. Две большие оливковые рощи, расположенные вдоль шоссе в направлении Мартина-Франки, площадью шестьдесят и сто сорок гектаров соответственно, и относящиеся к ним постройки возвращаются в собственность семьи Конвертини и должны быть поделены между пятью братьями и сестрой в соответствии с приложенным документом. Маленькая оливковая роща у въезда в деревню площадью пять гектаров и относящийся к ней трулл, а также дом на Виа-Кавур, известный как Дом на площади Санта-Анна, переходят в собственность Витантонио и Джованны, которые смогут вступить в право владения по достижении двадцати трех лет, а до тех пор находятся в распоряжении Донаты Пальмизано.

Нотариус поднял глаза от завещания и уставился на Донату. Впервые в жизни он обращался к ней на «ты»:

– Ты не можешь ни продать, ни передать кому-либо эту собственность или ее часть, но ты имеешь право на доходы с нее до наступления совершеннолетия детей, которые остаются на твоём попечении в соответствии с этим соглашением. На следующей неделе судья вызовет тебя принести клятву, что ты принимаешь эти условия...

Вырвавшийся у Донаты радостный крик поразил собравшихся. Теперь уже все были уверены, что Франческа поступила правильно.

– Отец Феличе, господин Маурицио и госпожа Анджела присутствовали, когда я в последний раз зачитывал Франческе завещание, и по воле умирающей подписали его как свидетели. Все мы согласны, что распоряжения справедливы. Также согласие со всеми положениями документа выражают Анджело, Маттео, Марко, Лука и Джованни, которые подпишут

---

¹² Брeвиарий (от лат. *brevis* – «краткий») – молитвенник римско-католических священников, состоит из коротких отрывков (отсюда название) Священного Писания и Отцов церкви, житий святых, молитв, гимнов и других формул, употребляемых при богослужении.

соответствующее приложение, а госпожа Андже́ла уполномочена подписать его за свою дочь Маргериту. Оливковые рощи возле Мартина-Франки, которые бедняга Антонио получил перед своей гибелью на фронте при Пьяве, возвращаются в собственность семьи Конвертини...

Доната уже не слушала нотариуса. Ее сын, Витантонио, останется с ней, да к тому же у нее будет дочь, Джованна! Остальное было неважно, и она не обращала внимания на объяснения нотариуса, которые заняли еще больше часа. Она не слышала шума отодвигаемых кресел, когда все Конвертини встали, не слышала, как они прощаются с нотариусом, не видела, как кивают ей, выходя. Наконец голос нотариуса Фини вернул ее к реальности:

– Пойдем посмотрим, что поделывает на кухне эта парочка, но прежде вытрите слезы.

– Не могу поверить! – воскликнула Доната, схватив его руки и целуя их.

Польщенный нотариус не торопился останавливать ее и прибавил:

– Мне и самому не верится, Доната... Никак не могу поверить. Но Франческа уперлась и переспорила всю семью. Понятно, что предложение подарить братьям большие рощи и поместья в Мартина-Франке тоже наверняка повлияло...

– Забудьте про рощи, господин Фини. Главное – дети. Я думала, они хотят забрать их у меня.

– Единственная, кто пыталась побороться за них, – это госпожа Андже́ла. Она сделала все возможное, чтобы переубедить Франческу, говорила, что дети принадлежат семье, а не подруге, с которой у них практически нет кровной связи. В последний день Франческа послала за ней и они говорили больше двух часов, потом позвали отца Феличе, который также полагал, что вырывать детей из семьи – ошибка. Когда наконец пригласили меня, у бедной Франчески уже совсем не оставалось сил. Однако она слезно попросила меня немедленно составить касавшиеся детей положения и присовокупить их к завещанию, которое она продиктовала накануне вечером. Затем она потребовала, чтобы пришел мэ́р и чтобы все подписали завещание, прежде чем выйти из комнаты.

Нотариус замолчал. Что-то интриговало его, но он не знал, как начать. Потом собрался с духом и продолжил:

– Не знаю, что Франческа ей сказала, но в итоге синьора Андже́ла сама убедила мэ́ра и отца Феличе подписать документ. Она сказала, что это необходимо, чтобы никто ни в семье, ни в деревне никогда не поставил под сомнение законность завещания, особенно в той его части, которая касается опеки над Джованной и Витантонио. Это было вечером накануне смерти несчастной... Не знаю, станет ли когда-нибудь известно, что именно было сказано в комнате умирающей до того, как пришли мы с мэ́ром!

Доната очень хорошо представляла себе, что было сказано. Она вспомнила кухню и улыбнулась. Нотариус украдкой взглянул на нее.

– Может быть, однажды я пойму, что там произошло, – сказал он, словно размышляя вслух и ни к кому не обращаясь.

Доната пожала плечами.

– Кстати, – вспомнил он вдруг и на сей раз внимательно посмотрел на Донату, снова назвав ее на «ты», – прежде чем согласиться, синьора Андже́ла настояла на включении в завещание еще двух положений, которые ты обязана выполнять. Каждое воскресенье ты должна водить двойняшек на обед в палатцу Конвертини, а когда придет время выбирать, где им учиться, решать будет бабушка. И тебе придется согласиться.

Доната не ответила. Что могла она сказать, если сама в детстве едва научилась читать и писать, так что сейчас ей приходилось учиться заново? Ведь когда она еще жила в Матере и только начала встречаться с Пальмизано из Беллоротондо, она и мечтать не смела, что ее дети смогут получить образование; там, где она росла, детей рожали затем, чтобы они помогали родителям возделывать землю.

На кухне Витантонио и Джованна, смеясь, ели печенье. И Доната сочла, что дополнительные условия синьоры Анджелы – ничтожно малая цена за счастье обладать сокровищем, которое ей поручила Франческа.

Хлеб мертвых

Первый год прошел очень быстро, и по мере того как приближалась годовщина смерти Франчески, Доната скучала по ней все сильнее. Накануне Дня поминовения усопших она зажгла по свече на каждом окне, а после ужина не стала убирать со стола – на случай, если умершие родственники будут верны традиции и навестят их.

– Ничего не говорите бабушке, – предупредила Доната помогавших ей детей. – Она в этом ничего не понимает.

И с тех пор каждый год в День всех святых они запирались на кухне и готовили на следующий день, День поминовения усопших, большую миску *грано деи морти*¹³ – вареной пшеницы с вываренным винным суслом *винкотто*, зернами граната, орехами, сахаром и корицей. Затем они зажигали в окнах белые свечи, что очень нравилось деревенским жителям, потому что освещенный таким образом задний фасад дома придавал площади Санта-Анна праздничный вид. Однако про стол, накрываемый для мертвых, они никому не рассказывали, чтобы не вызвать неудовольствия бабушки – та охотно отмечала религиозные праздники, но не доверяла народным традициям, считая их язычеством и суеверием. Да и Доната в них не верила. Собственно, она исполняла обычаи не из каких бы то ни было религиозных убеждений, а потому что ей хотелось чувствовать связь со своими предками.

Со второго этажа дома в той его части, что выходила на площадь и церковь Святой Анны, открывался прекрасный вид на кипарисовую аллею, ведущую на кладбище Беллоротондо. Стоя у окна на кухне, Доната ежеминутно думала о Франческе, но никак не могла набраться мужества сходить на могилу двоюродной сестры. Она предпочитала вспоминать ее живой, строящей рожицы с хитрым видом и заразительно смеющейся.

Наконец Доната решилась. В День поминовения усопших 1925 года, перед первой годовщиной смерти Франчески, они впервые после похорон посетили семейный склеп Конвертини. Вышли на рассвете; по пути на кладбище дети развлекались, считая кипарисы по обе стороны дороги. Справа они насчитали сто тридцать шесть, а слева всего сто тридцать два – четыре дерева погибли, их спилили, но никто не позаботился высадить на их месте новые.

На кладбище они первым делом отправились к усыпальнице Конвертини и помолились на могилах Франчески и Антонио. Затем произнесли те же молитвы в другой части кладбища – над скромной могильной плитой Вито Оронцо Пальмизано. И так ежегодное посещение кладбища Беллоротондо в День поминовения усопших было торжественно вписано в календарь семейных традиций.

С тех пор каждый раз они шли сначала на могилу Франчески, и двойняшки вместе клали на памятник букет белых хризантем. Затем они молились, обратившись к могиле Антонио – отца, которого дети не знали, потому что он умер, когда они еще не родились. Здесь Доната поручала Джованне положить на могилу букет красных хризантем. Далее молитвы повторялись на другом конце кладбища перед нишей с прахом Вито Оронцо Пальмизано. Тетя клала руку на шею Витантонио и просила дотянуться до железной подставки для цветов напротив могильной плиты ее мужа.

– Сама я не дотянусь, помоги мне. Лазить – мужское дело, – говорила она.

И тогда малыш, зардевшись от гордости, лез наверх и вставлял в подставку букет красных хризантем в память о человеке, о котором Доната принималась рассказывать при первой возможности и к которому дети относились с симпатией, потому что он погиб на той же войне, что и их отец.

---

¹³ Дословно «каша мертвых» (ит.).

В палаццо

Придя с кладбища, дети обедали у бабушки Анджелы в палаццо Конвертини – большом особняке, занимавшем всю южную оконечность площади с той стороны, что нависала над долиной Итрии. Бабушка считала, что День поминовения усопших – одна из важнейших дат в календаре, и хотя и неставляла мертвым угощение, но накрывала стол, как по большим праздникам, чтобы живые могли вспомнить умерших родственников как положено. На этих обедах собирались все Конвертини. Дядя Марко, Маттео, Лука и Джованни приезжали с семьями из Бари и Отранто, и лишь Маргерита, живущая в Венеции, бывала только на Рождество и летом, когда все встречались на побережье.

Джованна всегда чувствовала себя в палаццо, среди ковров, ушастых кресел и бархатных занавесей, как рыба в воде. С самого детства она не отходила от бабки, которая, ко всеобщему удивлению, сажала ее за стол со взрослыми и искоса присматривала за тем, как девочка себя ведет, поправляя ее и обучая хорошим манерам, каковые Джованне следовало усвоить, как и положено старшей внучке Конвертини. Однако малышка Джованна не всегда следовала наставлениям синьоры Анджелы; девочка рано стала проявлять непокорный характер – с той же естественностью, с какой сидела за общим столом.

Витантонио же задыхался на семейных обедах. Он был послушным и воспитанным, а его порывы были просты и понятны. Но мальчик находил, что атмосфера в бабушкином палаццо слишком натянутая, а царящая там дисциплина чрезмерна. В доме нельзя было ни бегать, ни играть, ни кричать, ни громко разговаривать. Бабушкин кабинет, столовая, гостиная и балкон были пространством взрослых, дети могли заходить туда, только если их звали. Также под запретом находились верхний этаж, терраса, чердаки и крыша. Прежде чем войти в столовую, нужно было показать чистые руки, а за столом сидеть молча и, что сложнее всего, держать спину. За едой следовало подносить ко рту руку, а не тарелку – последнее вызывало бабушкино неудовольствие. Говорить в столовой и в гостиной можно было, только если взрослые обращались к тебе, и в этом случае нельзя было ни спорить, ни отвечать слишком резко. Бабушка внимательнейшим образом следила за соблюдением правил вежливости – слова «пожалуйста», «спасибо» и «не за что» никогда нельзя было опускать. Когда же бабушка звала их, они должны были отвечать: «Да, бабушка?» Если они забывали об этом, бабушка делала вид, что не слышит, и продолжала звать их, пока они не отвечали правильно.

Единственное, что нравилось Витантонио, – это когда бабушка пускала его в кабинет и разрешала перебирать календари австрийских фирм, поставлявших Конвертини лес. Фотографии заснеженных пейзажей завораживали его: еловые леса были как из ваты, реки сверкали льдом, крыши деревянных домиков словно присыпаны мукой... При виде заснеженных полей Витантонио охватывало желание порезвиться в снегу.

Также он замирал от счастья, глядя на игрушечный электрический поезд, который, согласно семейному преданию, бабушка заказала из Швейцарии в честь его и Джованны рождения. Поезд был собран и всегда стоял в детской, готовый тронуться с места и поехать вдоль альпийских хребтов, ельников, заснеженных мостов и вокзалов; детям разрешалось смотреть на него, но заводить игрушку могли только взрослые.

Когда становилось тепло, Витантонио проводил день в саду со своим кузеном Франко, старшим сыном Анджело, – они были ровесниками, и Франко тоже всегда приводил на обеды в палаццо. В саду было полно укромных уголков. Дети выходили через кухню и оказывались напротив двух красивейших лип с нежно-зеленой листвой. Небольшая аллея, обсаженная самшитовым боскетом¹⁴, вела к черному ходу, который открывался прямо на площадь. Через эту

---

¹⁴ Боскет – группа деревьев или кустов, подстриженных так, чтобы образовывать сплошную стену.

боковую калитку, которой обычно пользовались доставляющие товар приказчики из магазинов, дети убегали на площадь, когда хотели поиграть подальше от строгих взглядов взрослых. Северная стена дома была уставлена глазурованными керамическими горшками, в которых росли алоказии с гигантскими листьями, аканты, папоротники, спаржа и гортензии, – цветы гортензии разнообразили монотонность зелени самого влажного уголка в саду. В конце ряда цветочных горшков, в западной части сада, как раз под кухонным окном, находился одетый в глазурованную керамику фонтан. Чтобы потекла вода, нужно было нажать на железный рычаг, а в небольшом бассейне плавали красные рыбы и цвели розовые водяные лилии.

В краю, где воды вечно не хватало – вернее, почти совсем не было, – фонтан и бассейн с рыбами были венецианскими причудами бабушки. Она велела построить их над одним из подземных резервуаров, куда стекала дождевая вода с площади, в соответствии со старинным правом обитателей палатцо, которое Андже́ла Конвертини возобновила для того лишь, чтобы поливать сад. Едва завидев на горизонте облачко, бабушка посылала служанок мести площадь, чтобы ничто не мешало собирать дождевую воду, которая по трубам попадала в ее резервуар.

У заднего фасада особняка, обращенного к долине, была терраса, попасть на которую можно было только из комнаты хозяйки дома, и под ней портик. Глицинии, увешанные кистями лиловых цветов, и лозы муската, на которых к сентябрю поспевал сладкий виноград, обвивали колонны до самой балюстрады. В тени портика стояли огромные горшки с разноцветными азалиями – белыми, розовыми, бордовыми и красными. Об этих цветах синьоры говорила вся деревня, никто больше не осмеливался разводить азалии в такой жар и сухости. Андже́ла Конвертини задалась целью создать особый микроклимат и преуспела, поливая цветы три раза в неделю, а чтобы удержать влагу, укрывала землю в горшках сосновой корой, которую ей привозили с лесопилки. Также она закапывала в горшки куски ржавого железа, чтобы снабдить растения необходимыми минералами. Бабушка гордилась своими успехами, особенно «Королевой Беллоротондо» – ярко-красной азалией, разросшейся столь пышно, что трое человек, окружив куст, не могли взяться за руки. В апреле, в пору цветения, от одного взгляда на него замирало сердце. Бабушка знала это и на несколько дней открывала свой сад для всех желающих, приглашая соседок прогуляться среди благоухающих цветов, чей запах соперничал с ярким ароматом глициний.

С южной стороны, напротив террасы гостиной, лежал сад-лабиринт, партеры которого разделялись тщательно ухоженными самшитовыми боскетами. Там же росли два кедра, лавр, пальма, две липы, платан, три апельсиновых дерева и огромная черешня. На границе между садом и огородом находились домик для садовых инструментов, прямоугольный бассейн с водой для полива, веревки для сушки белья, главный резервуар, куда собиралась дождевая вода с крыши дома, и два миндальных дерева, которые цвели в середине января, обещая весну задолго до ее наступления.

Каменная беленая стена защищала сад от нескромных взглядов соседей. По стене карабкались и свешивались на улицу плетистые розы. В жаркие летние дни прохожие с завистью поднимали взгляд на пышную зелень, и неудивительно, что люди сочиняли самые невероятные легенды о тайном райском саду Конвертини.

Пора цветения

Когда наступала пора цветения, бабушка преображалась. Она часами пропадала в саду, сажая герань или пересаживая рассаду – бархатцы и циннии, которые с конца зимы росли в старых горшках и консервных банках в сарайчике за бассейном для полива. В это время она всегда была в приподнятом настроении и забывала о строгих правилах, особенно когда была в саду, и позволяла себе такие проявления нежности, которые в другое время были немыслимы. Все замечавшие дети радовались наступлению мая, предвещавшего скорое лето.

В начале месяца бабушка отправляла служанок в сад срезать всевозможные белые цветы, которыми потом украшались статуи Девы Марии по всей деревне. Анджела Конвертини дарила букеты всем церквям, школам, в которых учились внуки, богадельне, монахиням из монастыря Марии Помощницы Христиан, подругам и соседкам; букеты стояли и во всех парадных комнатах палаццо. Иногда цветы отправляли также францисканцам в Мартина-Франку и сестрам милосердия Конгрегации Непорочного Зачатия в Массифру.

Первого мая во второй половине дня бабушка выходила в сад, словно генерал во главе войска, состоявшего из кухарки, двух горничных и пары работников лесопилки, которые приходили после обеда, вооружившись лестницами и секаторами. Для начала они наполняли водой все ведра и тазы, какие могли найти в доме, и выставляли их в ряд под портиком, чтобы до составления букетов цветы были в прохладе. Затем отправлялись в сад, где с военной четкостью исполняли приказы синьоры, определявшей, какой именно цветок надлежит срезать.

Бабушка собственноручно срезала каллы для домашней церкви и ландыши для капеллы Святого Причастия церкви Иммаколаты. Затем она приказывала работникам, чьи руки загрубели от труда на лесопилке, срезать лучшие белые розы с кустов, ползших по стенам сада, – эти цветы предназначались для церквей Святой Анны и Мадонны-делла-Грека. Тем временем служанки собирали пионы, маргаритки и гладиолусы для прочих приходских церквей Беллоротондо, а затем все вместе принимались составлять букеты из веток чубушника, лавролистной калины, спиреи, сирени и первых цветов гипсофилы для школ и женских монастырей. А когда ее войско уже рассеивалось по деревне, доставляя букеты, бабушка еще оставалась в саду, срезая первые белые лилии – благоухающие лилии святого Антония, щедро рассыпавшие пыльцу при малейшем прикосновении. Их она ставила в кувшин тонкого зеленого стекла к подножию статуи Девы Марии в прихожей дома, и всю следующую неделю их сильный запах напоминал входящим, что настала пора цветения и царит в эту пору, бесспорно, Анджела Конвертини.

В мае 1927 года суматохи с цветами было больше обычного – потому что апрель выдался дождливый и сад был как никогда роскошен и потому что в тот год на последнее воскресенье мая была намечена конфирмация Джованна, Витантонио и их двоюродного брата Франко в церкви Иммаколаты. А через неделю после этого всем троим предстояло первое причастие – по традиции оба таинства совершались в соседние недели, когда детям исполнялось семь или восемь лет.

К тому моменту, как бабушка решила, что цветов срезано достаточно, и отправила своих помощников разносить букеты, детям давно уже наскучило наблюдать за ними и они залезли на черешню, усыпанную спелыми красными плодами. Они выбирали самые темные ягоды и, прежде чем съесть, вешали их на уши, будто сережки. Заметив, что взрослые закончили работу и разошлись, дети слезли с дерева, сгребли оставшиеся на земле цветы и усеявшие сад белые лепестки и устроили выдающееся цветочное побоище. Джованна, у которой на ушах еще висели черешневые сережки, сделала себе диадему из веток чубушника. Витантонио бросал в нее горсти лепестков роз и пионов, девочка отвечала тем же, и можно было подумать, что они исполняют какой-то невиданный танец, наполовину скрытые завесой падающих, как

густой снег, цветочных лепестков. Наконец оба утомились и повалились на усыпанную цветами землю, отдуваясь и смеясь.

Когда они перевели дух и встали, им все еще было смешно. Франко, слезший с дерева последним, подошел к брату и сестре, держа в руках по горсти лепестков, и осыпал ими кузину, пытаясь одновременно поцеловать ее в щеку. Джованна рассердилась и отскочила. Франко снова попытался коснуться губами ее щеки.

– Не трогай меня! – закричала девочка, сердясь все больше и отталкивая его.

Франко опять бросился на кузину, обхватил так, что она не могла пошевелиться, и прибил губы к ее лицу. Он не видел, как подскочил Витантонио. Тот схватил Франко, встряхнул и отшвырнул с такой силой, что мальчик полетел наземь, до крови разбив нос о камень портика.

Услышав крики, бабушка вышла из гостиной через застекленную дверь и увидела на белых лепестках кровь; Франко в разорванной рубашке, перепачканный кровью, с распухшим носом, истерически рыдал у крыльца...

Через час, когда ушел врач, испуганного Витантонио позвали в дом – до тех пор он ждал снаружи. Едва войдя в гостиную, он понял, что пощады не будет. В комнате его ожидали тетя, отец Феличе и бабушка, которая заговорила первой. Она никогда еще не обращалась к нему так сухо.

– В этом году тебе не будет ни конфирмации, ни первого причастия.

– Твое поведение сегодня показывает, что ты еще не готов, – подытожил отец Феличе.

Витантонио заплакал, но не стал спорить.

– Может быть, ты хочешь рассказать, как все произошло? – спросила тетя.

– Здесь не о чем говорить, – перебила бабушка. – Такая грубость неприемлема в этом доме.

– Но ведь мы знаем о случившемся только со слов Франко, – настаивала тетя. – Мы должны выслушать и Витантонио.

– Ты портишь ребенка! Его поведению нет оправдания. И не спорь со мной при детях.

– Мальчик горячий, но честный и не прячется. Он никогда не врёт, не соврал бы и на этот раз.

С этими словами тетя встала, протянула руку плачущему Витантонио и позвала с кухни Джованну.

– Джуаннин! – крикнула она, впервые за много лет прибегнув к родному наречию.

Синьора Анджела метнула в нее яростный взгляд, но не двинулась с места, оставшись сидеть в своем кресле.

В этом году пора цветения была сладостной и безмятежной всего лишь сутки.

В день конфирмации тетя попросила передать синьоре Анджеле, что не придет на торжественную мессу в церковь Иммаколаты, и вместе с Витантонио пошла к первой утренней службе в церкви Святой Анны. Джованну она еще накануне отправила в палатцу, чтобы с утра бабушка, бывшая также крестной девочки, нарядила ее в пышное платье, сшитое на заказ у модистки в Бари. Выйдя из церкви, Доната увидела, что синьора Анджела в смятении ждет ее у боковой калитки на краю площади Санта-Анна.

– Джованна пропала. С утра я одела ее и оставила на кухне завтракать, а сама пошла одевать Франко. Когда я вернулась, ее не было. Мы уже час ищем ее по всему дому. Может быть, она у вас?

Это был не столько вопрос, сколько мольба.

Женщины вошли в дом и стали звать Джованну, но та не откликнулась.

Тетя знала: все это время девочка была в ярости от того, что Витантонио наказали, и не сомневалась, что побег – это форма протеста. А значит, она скоро вернется. И Доната постаралась успокоить бабушку:

– Отправляйтесь в церковь Иммаколаты и не заставляйте епископа ждать. Я найду Джованну и приведу туда же. Она не могла далеко убежать.

Едва за бабушкой закрылась дверь, на лестнице появилась Джованна в нарядном платье. Она пряталась наверху.

– Если Витантонио не пускают на конфирмацию, я тоже не пойду!

Семейные заповеди

Накануне Дня святого Иоанна, когда паковали чемоданы, чтобы переехать в Савеллетри, в дом на побережье, одна из служанок спросила, почему в этом году они не берут с собой двойняшек.

– Если это из-за разбитого носа Франко, синьора Анджела, то знайте, он сам напрашивался. Я как раз отнесла цветы в церковь Иммаколати и входила в сад через боковую калитку, когда увидела, что он пристаёт к Джованне.

Вечером того же дня бабушка пришла к Донате.

– Я не собираюсь просить прощения. Но, возможно, я поспешила.

– Витантонио просто защищал сестру, а вы даже не выслушали ребенка, которому не исполнилось еще и восьми лет. Для вас он никогда...

– Этого я не потерплю, – оскорбилась гранд-дама Конвертини. – Для меня он такой же внук, как и Джованна, и можешь быть уверена, что я обращаюсь с ними одинаково. По правде говоря, единственные, кто имеет право жаловаться, это остальные внуки, дети Маттео, Марко, Луки и Джованни, которые живут далеко, а особенно дети Маргериты, которых я вижу только летом и на Рождество.

– Дело не в том, далеко или близко они живут. А в нежности. И в справедливости.

– Нежничать – значит проявлять слабость. Но я всегда справедлива к Витантонио. Я прекрасно понимаю, что если бы мой сын не был таким безрассудным и отчаянным на войне, твой муж был бы сейчас жив и у мальчика был бы отец. Я знаю, что я в долгу перед тобой и твоим сыном. И всегда помню о том, что ты ухаживала за Франческой, пока она была больна...

– Вы всегда были к нему строже, чем к остальным внукам.

– Неужели ты ничего не понимаешь! Ты хотела, чтобы он вырос настоящим Конвертини? Так вот пожалуйста! Именно поэтому он должен быть сильнее и дисциплинированнее. Ты растишь мальчика слишком свободным, слишком порывистым. Наказание наверняка пошло ему на пользу в том смысле, что он понял: если не хочешь, чтобы об тебя вытирали ноги, нужно заставить себя уважать. Витантонио должен быть готов к тому, что скоро ему придется отвечать за свои поступки как настоящему Конвертини, а для этого нужна подготовка и дисциплина. В нашей семье есть собственные заповеди, мы члены церкви, которая запрещает нам зависеть от других.

– А вам не кажется, что вы гневите Бога своим неумеренным честолюбием?

– Не говори глупостей. Если бы Господь пожелал сотворить всех равными, он бы так и сделал.

– Я все же вижу в этом большой грех гордыни.

– А отказываться от сына – не грех? – Синьора Анджела подняла брови и вперилась в Донату взглядом. Затем улыбнулась: – Конечно, грех! Но ты совершила его из любви, так что Господь прощает тебя, а я тобой восхищаюсь.

Анджела Конвертини смотрела Донате прямо в душу, но та сохраняла спокойствие и не отводила глаз. Выждав несколько мгновений, синьора Анджела вернулась к разговору:

– Малыш должен научиться бороться и повелевать, как настоящий Конвертини, и ты должна мне помочь. Ты не похожа на дочь простого пастуха из Матеры, у тебя гордость и напор Конвертини или даже больше – настоящей венецианской Джустиниан. Только потому я и согласилась, чтобы детей оставили тебе. Не знаю, откуда ты берешь силы, но дети большему научатся у тебя, чем у любого из моих сыновей-рохлей.

Анджела по-прежнему смотрела Донате в глаза, восхищаясь ее спокойной силой и завидуя ей. Потом надменно подняла голову, но в голосе ее слышалась мольба:

– Завтра мы уезжаем на побережье. Надеюсь, что к сентябрю, когда мы вернемся, обо всем этом будет позабыто.

– Вы ранили мальчика! Теперь вам придется завоевать его сердце, – разочаровала ее Доната. – А еще вам придется вернуть уважение Джованны.

– За девочку я спокойна, в ней есть гордость Конвертини. Но Витантонио еще предстоит понять, что непросто быть членом семьи, на которую возложена такая ответственность. Или ты думаешь, я не плачу высокую цену за то, чтобы быть Синьорой Беллоротондо?

Лето не на море

В последнюю неделю июня они никуда не поехали и остались в Беллоротондо. Дети скучали по морю и дюнам Савеллетри. На побережье в медленные часы первых дней лета еда была вкуснее, цвета ярче, запахи приятнее и все ощущения в целом сильнее. Возле моря жизнь Витантонио и Джованны была свободнее, из ничего возникали приключения – можно было валяться в песке на пляже и рассказывать друг другу секреты, искать червяков и личинок в качестве наживки для удочек или лежать у самой кромки прибоя, наслаждаясь ласковыми волнами.

Витантонио также скучал по Франко, который летом превращался в незаменимого товарища. Они научились ловить рыбу на небольшой глубине, погружая в воду стеклянную банку, закрытую лоскутом ткани, рыбы заплывали внутрь через сделанный разрез, привлеченные приманкой – кусочками хлеба и сыра. Когда мальчишки, выныривая на поверхность, обнаруживали в банке пойманную таким простым способом добычу, они визжали от радости на всю деревню.

Жизнь на море была райской, и Витантонио и Джованна не понимали, почему в то лето тетя не отправила их вместе с двоюродными братьями и сестрами, как обычно. Однако накануне праздника святого Петра, когда дети уже стали потихоньку смиряться со своей участью, они переехали в старинный крестьянский дом Пальмизано, и, едва оказавшись там, Витантонио и Джованна забыли и о песке, и о рыбах, и о друзьях в Савеллетри. На окраине Беллоротондо, в доме, где в одиночестве жила Кончетта, было еще меньше правил, чем на побережье, и дети согласились, что так даже лучше. Они купались в бассейне с водой для полива, охотились в огороде на сверчков, бегали по оливковым рощам, пока крестьяне выдирали там сорный кустарник, а после вместе ужинали на кухне. Вечером все собирались на гумне, наслаждаясь прохладой. Взрослые пели и рассказывали истории, а дети играли в прятки до изнеможения и в конце концов засыпали на коленях у тети. Дом Пальмизано стоял в центре *контрады*, квартала из нескольких труллов с резервуаром для воды, хлебопекарней и большим гумном, который делили между собой три семьи – Пальмизано, Вичино и Галассо. Кончетта и Доната были единственными женщинами Пальмизано, оставшимися в Беллоротондо после трагической гибели мужей на войне, они и унаследовали совместные права на дом и три гектара виноградников и оливковых рощ. С тех пор как Доната переехала в центр Беллоротондо, Кончетта одна занималась рощами и виноградниками, а кроме того, ухаживала за коровой, свиньей и лошадью, которыми владела совместно с Вичино. Третьи соседи, Галассо, в жизни не могли бы позволить себе купить корову или свинью, даже пополам с кем-нибудь: детей у них было семеро, а земли один гектар.

Дом по привычке называли усадьбой, хотя он представлял собой скромное прямоугольное строение вокруг старинного трулла. Конусообразная каменная крыша трулла смотрелась очень изящно, и Пальмизано нарисовали на ней известкой большое солнце с волнообразными лучами. Сбоку к дому были пристроены еще два трулла; один предназначался для животных, а в другом хранились инструменты для работы в поле, туда же складывали и урожай оливок. В результате двух перестроек в основном корпусе здания были выделены две спальни – с расчетом на то время, когда семья разрастется, – но из-за Большой войны и тяготевшего над семьей проклятия они стояли ненужными. Несмотря на несчастья, Кончетта и Доната и не подумали сдаваться и, бросая вызов богам и людям, нарисовали в центре солнца, украшавшего крышу трулла, большую букву «П» – «Пальмизано». Посоветовавшись с Донатой, Кончетта забрала к себе в дом четверых старших детей бедняков Галассо, поскольку их семья ютилась в единственной комнатухе небольшого трулла.

Когда Тоший привозил ящики овощей и фруктов, во всем доме Кончетты стоял аромат, какой на площади Санта-Анна бывал только на кухне. В такие дни вся площадка перед входом была уставлена ящиками и корзинами с кабачками, луком и огурцами, пахнущими на весь дом. Ярким пятном выделялись помидоры, особенно первые поспевшие плоды сорта «Реджина ди Торре-Канне», – их выращивали особенно много, чтобы связывать в грозди и хранить до зимы. В отдельном ведре лежали первые фрукты – ранние сливы, груши «Сан-Джованни» и несколько персиков, а на буфете в гостиной стоял круглый поднос с горой источающих сладкий аромат мелких абрикосов всех возможных оттенков желтого и оранжевого, треснувших от жары и покрытых темными пятнышками. Еще пару ящиков абрикосов пристроили на полу кухни – Кончетта чистила их на варенье.

Запах овощей и фруктов не покидал их все лето. Постепенно созревали новые плоды, добавлявшие свои нотки в аромат, пропитавший стены дома. В конце августа консервировали в оливковом масле баклажаны, развешивали грозди жгучего перца, а спелые помидоры захватывали все комнаты. Дом словно окрашивали в праздничный красный цвет: повсюду тазы, ведра и корыта похожих на лампочки томатов. Три дня кряду тетя, Кончетта и жена Тощего набивали ими стеклянные банки и бутылки, заготавливая плоды целиком или в виде соуса на весь год.

Джованна помогала ошпаривать и чистить помидоры. При этом каждый второй она клала в рот, пачкаясь соком с ног до головы. Витантонио предпочитал сливы и персики – он съедал их в несколько укусов прямо с дерева. Чтобы отогнать пчел, привлеченных фруктовым соком, которым были вымазаны их лица, руки и даже ноги, Витантонио и Джованна бежали купаться в поливочном бассейне. В первый день, когда они обнаружили его в центре сада, купание длилось совсем недолго – дети залезли в воду, только чтобы показать, что им не страшно. Вода была не слишком чистая, на поверхности плавали полусгнившие осклизлые листья инжира и сновали водомерки, там же жили и жабы. Как только дети залезли в бассейн, их ноги погрузились в ил, а когда Сальваторе, сын Тощего, сказал, что иногда туда заползают змеи, они решили, что довольно, и, объявив, что замерзли, поспешно вылезли из воды.

Но через несколько дней они уже всю купались. Сальваторе учил Джованну плавать, поддерживая ее рукой, Витантонио наблюдал за водомерками и охотился на головастика, уверенный, что сможет приручить их, когда они превратятся в лягушек. В середине лета поливочный бассейн высыхал и снова наполнялся водой только в конце августа, когда начинались грозы, однако, пока вода оставалась, купание было вторым по значимости событием каждого дня в списке, который Витантонио каждый вечер сообщал тете. А первым, конечно, были вечерние посиделки на гумне, когда они слушали истории взрослых и ждали, пока с моря подует ветер, чтобы идти спать.

Когда уровень воды в поливочном бассейне упал настолько, что купаться стало невозможно, они в первый раз отправились на экскурсию в Станьо-ди-Манджато, на полпути между Мартина-Франкой и Альберобелло. Правивший повозкой Сальваторе не подгонял шедшую медленным и размеренным шагом кобылу, которая не сбивалась с ритма, даже когда поднимала хвост и выпускала мощную струю, отчего Джованна и Витантонио умирали со смеху. Все утро дети бегали по лесу, а перед обедом искупались в темной и словно загустевшей воде давшего название местности пруда – *станьо*. Через некоторое время после обеда они вернулись на пруд, чем вызвали переполох среди шедших в Альберобелло крестьян: те иногда приходили к воде отдохнуть, но им и в голову не приходило в нее лезть. Потом они распевали двусмысленные песенки, лежа на лугу вместе со взрослыми, а ближе к вечеру пустились в обратный путь; Витантонио дали править лошадей. Постепенно поездки в Станьо-ди-Манджато вышли на первое место в вечерних рассказах мальчика о лучших событиях дня.

В конце лета Витантонио и Джованна собирали темные плоды инжира с тонкой шейкой с дерева неподалеку от поливочного бассейна, но не доносили до стола, съедая урожай прямо с дерева или по пути к дому. Дни становились короче, дети возвращались домой раньше и

чистили миндаль, выбирая орехи по размеру. Смеясь и болтая, они катали их по кухонному столу, нажимая на скорлупу ладонями, пока та не отлетала.

В последний день сентября прошел небольшой дождик, отчего инжир полопался на деревьях, особенно сорта «Санта-кроче» и «Дель-абате». Напитавшиеся водой плоды никуда не годились, но дети все равно срывали их со смехом: треснувшие инжирины как будто разевали рты, показывая красную мякоть. Потом все сидели на кухне, Кончетта хлопотала у плиты. Почуввав сладкий запах томатного соуса, дети вытаращили глаза, пытаясь угадать, что она готовит, ведь в последнее время они ели только бараний горох и бобовое пюре с цикорием. Как раз в эту минуту вошла тетя. Увидев помидоры, она сразу разгадала замыслы невестки:

– Фаршированные баклажаны к воскресному обеду?

– Как говорится, что за Рождество без «пальцев апостолов» с кремом¹⁵, что за Пасха без баранины с рисом или Духов день без пирога сарту?¹⁶ Что за свадьба без засахаренного миндаля и что за лето без фаршированных баклажанов?

– Еще скажи, что сама все это ела!

– Я-то не ела, но так говорится.

– А еще по праздникам можно есть ореккьетте¹⁷ с заячьим рагу или с дроздами, – добавил, входя, Сальваторе, принесший связку лука. – Точнее, можно было бы, если бы мы могли оставлять себе добытую на охоте дичь, а не отдавать ее хозяевам из Беллоротондо в знак верноподданнических чувств.

Доната и Кончетта с трудом сдержали одобрительные улыбки и притворились, будто не слышали.

Это было лучшее лето двойняшек. Витантонио целыми днями носился по полям, но когда Сальваторе возвращался с работы, то бросал все свои занятия и бежал ему навстречу. Перед ужином сын Тощего учил детей охотиться на сверчков и лягушек и ставить силки, а однажды в воскресенье взял их с собой на настоящую охоту с ружьем. За два месяца привольной жизни в Витантонио словно пробудилась его крестьянская кровь. Но, похоже, заметила это только Доната.

---

¹⁵ «Пальцы апостолов» – традиционный апулийский десерт. Во времена, описанные в книге, его делали из тонких сладких блинов, свернутых в трубочки и наполненных кремом (рикоттой) с разными добавками.

¹⁶ Сарту – итальянский рисовый пирог с мясной начинкой.

¹⁷ Ореккьетте – один из видов итальянской пасты, небольшие макаронные изделия в форме ушек.

Воины Христовы

В первое воскресенье октября, по возвращении в Беллоротондо, они отправились на обед в палаццо, и о майском происшествии было забыто. Больше никто не говорил ни о разбитом носе Франко, ни о наказании, из-за которого дети не прошли конфирмацию и не ездили на море. Постепенно бабушка возобновила прежние строгие порядки, но тетя заметила, что, когда никто не видит, та уделяет двойняшкам больше внимания, стараясь завоевать их сердца. Три месяца спустя явились доказательства.

Шестого января, на Богоявление, колдунья Бефана¹⁸ посещала палаццо и оставляла детям подарки, в основном одежду, которую бабушка заказывала в лучших магазинах Бари или – куда более модную – в Венеции (в этом случае вещи присылала Маргерита). Утром в день Богоявления 1928 года, померив шерстяной свитер и туристские ботинки, Витантонио обнаружил еще один пакет на свое имя, упакованный в яркую подарочную бумагу, – Бефана оставила его в гостиной, на полу выходящей в сад террасы, под носком, повешенным на ручку раздвижной двери. Витантонио развернул сверток и глазам своим не поверил: это была механическая канатная дорога – три вагонетки карабкались из альпийской деревушки на вершину горы, а станция и домики (кажется, деревянные) с припорошенными снегом крышами были окружены елками, как на календарях австрийских лесопилок или как на электрическом макете железной дороги из детской, в которую разрешалось играть только взрослым.

В это время в другом углу комнаты Джованна примеряла голубые лаковые туфельки, не замечая, что кроме них Бефана тоже принесла ей нечто особенное. Бабушка указала девочке на сверток в золотой бумаге – это оказалось роскошное издание «Красной Шапочки». В середине книги открывалась картонная раскладушка, изображавшая домик лесоруба и фигурки всех персонажей сказки; за деревьями прятался серый волк, угрожая Красной Шапочке и ее бабушке.

– Это мы с тобой, – сказала бабушка.

Увидев фигурку с длинными косами и в красном плаще, Джованна забыла о туфельках и бросилась на шею бабушке, которая зарделась, как шапочка героини.

Остаток зимы пролетел без происшествий, а весной, когда сад вокруг палаццо снова зацвел и бабушкины подданные раздали белые букеты всем окрестным церквям, Джованна и Витантонио снова были готовы к конфирмации.

Конфирмация состоялась во второй четверг июня, в праздник Тела Христова, в соборе Бари – бабушка хотела компенсировать год задержки торжественностью церемонии и воспользовалась связями отца Феличе, чтобы перенести ее в столицу региона. Накануне события дети ночевали в палаццо. Бабушка хотела сама не спеша подготовить их и одеть в наряды, заново сшитые на заказ. Когда утром Доната вышла из дома, самые ранние прихожане были уже в церкви Святой Анны на восьмичасовой службе, так что она никого не встретила на пустынных улицах Беллоротондо. Всю неделю дула трамонтана¹⁹, и теперь небо было высоким и ясным, как любила Доната. Наверняка это были последние мягкие дни, скоро жаркие южные ветры невыносимо раскалят воздух.

Джованна уже ждала ее на лестнице в белом кисейном платье, в белых перчатках и с тончайшим белым покрывалом на пышных черных волосах, которые девочка унаследовала от

---

¹⁸ Бефана – в итальянской мифологии колдунья, которая бродит по земле ночью в крещенский сочельник; обычно старуха, но иногда молодая женщина. Своеобразный аналог Деда Мороза и Санта-Клауса.

¹⁹ Холодный северный и северо-восточный ветер в Италии, Испании, Франции, Хорватии; может развивать скорость до 130 км/ч.

матери. На белом выделялись два цветных пятна: розовый пояс обхватывал талию Джованны, а в руках она осторожно держала розовые четки. Лаковые туфельки и гольфы были белоснежные, как и платье.

– Моя принцесса! – воскликнула Доната, подхватывая девочку и крепко прижимая ее к себе.

Взявшись за руки, они поднялись на второй этаж, где бабушка как раз завязывала галстук Витантонио. Он был в пиджаке, вязаном темно-синем джемпере и таких же шортах и в белой рубашке. Перчатки, носки, ботинки и платок, выглядывавший из кармана пиджака, тоже были белыми. Бабушка причесала его на пробор. Когда Витантонио повернулся, Доната едва смогла сдержать крик, рвущийся из глубин ее души:

– *Santo Dio, Vito!*²⁰

Витантонио был точной, хотя и в миниатюре, копией Вито Оронцо Пальмизано. В пиджаке и галстук он один в один походил на отца на свадебном снимке, который молодожены успели сделать на бегу в то утро, когда Вито Оронцо отправлялся на войну. Любому было бы достаточно одного взгляда на эту фотографию, висевшую в рамке в гостиной дома на площади Санта-Анна, чтобы заметить это.

Месса в соборе Сан-Сабино, которую служил архиепископ Бари, растянулась почти на три часа. Более трехсот детей выстроились рядами – два ряда мальчиков и два ряда девочек – у основания боковых колонн и в центральном проходе романской базилики. Начертав каждому ребенку миром крест на лбу, архиепископ Кури почувствовал, что правая рука у него онемела и заныл большой палец. За каждым ребенком следовали восприемники, чтобы отереть миром платком, который тут же повязывался ребенку вокруг головы, чтобы до конца дня напоминать о конфирмации. Бабушка всю мессу простояла позади Джованны, своей крестницы. Отец Феличе, крестный Витантонио, также стоял рядом с крестником с другой стороны базилики. Ни Джованне, ни Витантонио не было надобности вслушиваться в наставления, которые архиепископ давал детям и крестным, поскольку они знали наизусть катехизис Пия X, вдохновивший оратора: «У царей есть воины, которые защищают и возвеличивают царство. Их всегда избирают из самых сильных и смелых молодых людей. Так же и у Господа есть воины. Принимая конфирмацию, вы совершенствуетесь в христианстве и становитесь воинами Христовыми. О великая честь – служить Царю Небесному!»

Они вышли из собора Сан-Сабино, умирая от голода, но, прежде чем отправиться в гостиницу, где был заказан банкет, нужно было еще сфотографироваться вместе с другими детьми на площади. Торжественный обед по прихоти Анджелы Конвертини, не желавшей ждать два часа до возвращения в Беллоротондо, чтобы сесть за стол в палатцу, как предписывала традиция, был накрыт в Бари, в отеле «Орьенте» на Корсо-Кавур.

За столом тетя сидела на почетном месте справа от бабушки, что окончательно подтверждало ее статус члена семьи. Она глядела на Витантонио с едва скрываемой материнской гордостью, но не обделяла вниманием и Джованну, которая росла, казалось, не по дням, а по часам. Доната тосковала по тем временам, когда они с Франческой по очереди давали малышам грудь. Бабушка иногда искоса посматривала на нее и улыбалась, и если бы тетя могла угадать, о чем та думает, то очень удивилась бы: несмотря на различия в отношении к дисциплине, старая синьора Конвертини была как никогда рада, что согласилась с волей невестки и позволила Донате Пальмизано воспитывать детей, которыми обе сейчас так гордились.

²⁰ Боже мой, Вито! (ит.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.